

Судьба

Автор:

Вероника Рот

Судьба

Вероника Рот

Young Adult от создателя Дивергента Знак #2

Мы принимаем судьбы, которые заслуживаем. Но Акос влюблен вопреки судьбе. И должен умереть на службе роду Ноавеков.

Когда Лазмет Ноавек возвращается на шотетский престол, Акос понимает, что конец неизбежен. Бездушный тиран разжигает войну. Но эта война не может длиться вечно...

Вероника Рот

Судьба

Veronica Roth

The Fates Divid

© Михайлова-Сдобнова Ю.А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Моему отцу Фрэнку, брату Фрэнки и сестре Кэндис. Пусть нас и не связывают кровные узы, но мне безумно повезло, что вы – моя семья.

Пролог

АЙДЖА

– Чего мы так боимся?

– Она идет нас убивать.

Некогда нас тревожила мысль о жизни в двух телах одновременно. С тех пор мы мало-помалу привыкли. И оба наших токодара трансформировались в один новый странный дар. Мы научились делать вид, что мы не одна, а две независимые личности. Но себя мы предпочитаем не вводить в заблуждение. Мы – одна личность, заключенная сразу в два тела.

В последний раз свое местоположение мы знали на Уреке. Но сейчас мы не там. Мы бороздим просторы космоса. Красноватый пояс токотечения является единственным источником света в беспроглядной тьме.

Лишь одной из двух наших камер посчастливилось иметь иллюминатор. Одна «темница» – тесная каморка с прохудившимся матрасом и бутылью воды. Вторая – склад со средствами для уборки, источающими резкий едкий запах. Свет сочится лишь сквозь вентиляционные дыры в двери, которая заперта, но не изолирована от освещения в коридоре.

Мы протягиваем руки. Одна – длинная и покрытая бледной кожей. Другая – короче и темнее. Вторая кажется легкой, а первая – тяжелой и неуклюжей.

Из одного тела яд вышел. Другое все еще под его воздействием.

Одно сердце тяжело колотится. Второе – бьется ровно.

– Убивать нас? – спрашиваем мы себя. – Мы уверены?

– Уверены точно. Это наши судьбы. Они жаждут нашей смерти.

– Судьбы...

Здесь у нас разногласие. Можно одновременно любить и ненавидеть. Вот мы и любим, и ненавидим судьбы. И верим, и не верим в них.

– Как говорила наша мать...

У нас две матери, два отца и две сестры. И всего один брат.

– Прими судьбу... или как там... смирись с ней... или...

– Выстрадай судьбу. Все остальное – заблуждение.

Часть первая

Шитхи. Глагол. С тувенского: «мочь» / «следует» / «должен».

КАЙРА

Считалось, что Лазмет Ноавек – мой отец и бывший шотетский тиран – погиб десять сезонов назад. Похоронная церемония состоялась в первую Побывку, последовавшую за его кончиной. Так как тела не было, в космос отправили старую броню Лазмета.

Тем не менее мой брат Ризек, заключенный в недрах этого корабля, утверждал, что Лазмет до сих пор жив.

Мама иногда звала папу Лазом. Никто, кроме Илиры Ноавек, не осмеливался на подобное. «Лаз, – говорила она, – остановись». И отец повиновался. Если жена не начинала давить на него слишком часто. Лазмет уважал Илиру и ни во что не ставил всех остальных. Даже собственных друзей.

Владыка был мягок с женой, чего никогда не позволял себе по отношению к кому-либо еще.

Мой братец же пришел в этот мир мягкосердечным, но позже ожесточился и превратился в изверга, способного изводить пытками собственную сестру. Ризек перенял привычку отца вырезать человеческие глаза и консервировать их таким образом, чтобы они не загнивали. Банки хранились в оружейном зале на тускло освещенных полках, закрепленных высоко над моей головой. Я частенько замахивалась на них поглазеть, прежде чем узнала об их истинном содержании. Зеленые, карие и серые радужки плавали, словно рыбки на поверхности аквариума в ожидании кормежки.

Отец никогда не извлекал органы зрения собственноручно. И не поручал этого другим. Лазмет использовал токодар, чтобы подчинять тела врагов своей воле, – и те проделывали этот «трюк» сами. Смерть – не единственное наказание для человека. Ведь можно подарить ему ночные кошмары.

Позже Акос Керезет нашел меня на навигационной палубе небольшого судна, которое уносило нас прочь – все дальше от планеты, которую я считала домом, где на данный момент назревала война между моим народом – шотетами и земляками Акоса – тувенцами. Я уселась в командирское кресло и принялась раскачиваться взад-вперед, пытаюсь успокоиться. Мне хотелось поведать Акосу

о том, что рассказал мне Ризек. Что мой отец жив. Если, конечно, Лазмет был мне отцом, а Ризек – братом. Было похоже, что Ризек не сомневался, когда сообщал, что не является мне кровным родственником и что я – не истинный Ноавек. Именно поэтому, как объяснил Ризек, у меня не вышло разблокировать замок его комнаты. И поэтому мое первое покушение на жизнь брата не увенчалось успехом.

Я не знала, с чего начать. Со смерти отца? Рассказать о теле, которое так и не нашли? Или о назойливых мыслях, что между мной и Ризеком нет и малейшего сходства, будто мы и не родственники вовсе?

Казалось, Акос тоже не стремился к общению. Он расстелил на полу между командирским креслом и переборкой одеяло, которое нашел на корабле, и мы улеглись на него бок о бок, устремив взоры в бескрайнюю пустоту космоса. Паутина теней моего токодара оживилась и обвила запястье, подобно черным нитям. Кончики пальцев ужалила пронзительная боль.

Я не пугалась космической пустоты. Она позволяла мне почувствовать себя незначительной. Едва ли стоящей внимания. И мне было это по душе. Уж слишком часто я беспокоилась о том, что могла причинять вред другим. Вот если бы я была никем и жила в одиночестве, то не совершала бы ничего дурного. Все, чего я желала, находилось сейчас в пределах моей досягаемости.

Акос обхватил мой мизинец указательным пальцем. Его токодар заглушил мой, и тени развеялись. Да. Определенно все, в чем я нуждалась, уже было рядом.

– Скажи что-нибудь... на тувенском, – попросил Акос.

Я посмотрела в его сторону. Он по-прежнему глядел в иллюминатор, а его губы изогнулись в слабой улыбке. Веснушки украсили нос парня и рассыпались вдоль линии ресниц одного из век. Я неспешно подняла руку над одеялом. Не знаю, чего мне хотелось больше – дотронуться до Акоса или вдоволь насладиться предвкушением. Я проскользнула подушечкой пальца вдоль его брови.

– Я не ручная птичка, – ответила я. – И не чирикаю по приказу.

– Но это – просьба, а не приказ. Пустяковая просьба. Произнеси хотя бы мое имя.

Я рассмеялась.

– Ты помнишь, что в твоём имени больше шотетского?

– Эх, точно.

Акос потянулся губами к моей руке и клацнул зубами у самой кожи. Из моей груди вырвался смешок.

– Что тебе давалось сложнее всего, когда ты начала изучать тувенский?

– Названия ваших городов. Просто жуть, – ответила я.

Акос выпустил мою руку и ухватился за мизинец и большой палец другой всей пятерней. Прижался губами к моей ладони, огрубевшей от рукояти ток-ножа. Это казалось таким странным. Столь незамысловатая манипуляция с загрубевшей частью меня была способна наполнить каждую клеточку тела жизнью.

Вздохнув, я сдалась.

– Будь по-твоему. Я скажу. Гесса, Шисса, Акос... – произнесла я. – Одна канцлер прозвала Гессу «сердцем» Туве. Она носила фамилию Керезет.

– Единственный канцлер Керезет за всю историю Туве.

Акос поднес мою ладонь к щеке. Я приподнялась на локте и склонилась над ним. Мои волосы скользнули вперед, обрамляя наши лица. Теперь волосы были длинными лишь с одной стороны, а с другой сверкала дермоамальгама.

– Я прекрасно об этом знаю, – произнес Акос.

– Очень долгое время на Туве проживало всего две семьи судьбоносных, – сказала я. – Тем не менее, за этим единственным исключением, власть всегда принадлежала Бенезитам. Судьба назначала канцлерами их. Не кажется ли тебе это странным?

– Может, мы никудышные правители?

– А может, вы – любимчики судьбы? – предположила я. – Что, если власть – проклятие?

– Мы точно не любимчики судьбы, – возразил Акос.

Он произнес это мягко. Настолько мягко, что я не сразу сообразила, что Акос имел в виду. «Третье дитя рода Керезетов умрет, служа роду Ноавеков». Это подразумевало предательство: посвятить жизнь моей семье и погибнуть за нее. Разве это не есть проклятие?

Я с досадой покачала головой.

– Прости. Я не подумала...

– Кайра, – обратился ко мне Акос, а затем умолк и нахмурился. – Неужто ты просишь прощения?

– Мне знакомы кое-какие слова, – насупившись, ответила я. – Я не конченная грубиянка.

Акос рассмеялся.

– А я знаю, как будет по-эссандерски «мусор». Но это не означает, что я в курсе, как правильно это слово употреблять.

– Отлично. Забираю извинения обратно!

Я сильно щелкнула Акоса по носу. Он съежился от боли, но не прекратил заливаться смехом.

– Так как по-эссандерски «мусор»?

Акос ответил. Начало и конец этого слова были словно зеркальными отражениями друг друга.

– Я обнаружил твое слабое место. Стоит мне уличить тебя в незнании чего-то, как ты тут же приходишь в смятение.

Я обдумала его слова.

– Не страшно, что тебе известна одна моя слабость... учитывая, что исследовать тебе еще много.

Акос вопросительно приподнял брови. Я вонзилась пальцами в его левый бок, прямо под локтем, и в правый, чуть выше бедра. Эти слабые места я распознала во время наших тренировок. Акос не защищал их должным образом и съеживался сильнее, чем тогда, когда я наносила удары по другим точкам. Сейчас же я лишь слегка подтрунивала над ним, обнаруживая с удивлением для самой себя, что способна проявлять такую нежность. Мне хотелось выдавить из него еще больше смеха, а не заставить корчиться от боли.

Керезет поднял меня над собой, удерживая за бедра. Несколько его пальцев скользнули под пояс моих штанов. Это были еще не знакомые мне ощущения. И я нисколько против них не возражала. Я опустила колени на одеяло, по обе стороны от Акоса, медленно наклонилась и поцеловала его.

Мы целовались всего несколько раз, и я еще не делала этого ни с кем другим. Каждый раз был открытием. Я исследовала края его зубов и кончик языка, чувствовала, как его колени скользят между моими, и приятную тяжесть ладони на затылке. Акос прижимал меня к себе с возрастающей настойчивостью, а движения становились все интенсивнее. Я не дышала – не хотелось тратить время впустую. Спустя несколько мгновений я судорожно глотала воздух, выдыхая в шею Акоса, что снова его развеселило.

– Восприму это как хороший знак.

– Не борзей, Керезет.

Я не смогла сдержать улыбку. Лазмет и прочие вопросы о моем происхождении занимали меня все меньше. Плывая на звездолете посреди пустоты с Акосом Керезетом, я чувствовала себя в безопасности.

Вдруг из глубины судна раздался вопль. Это была Сизи – сестра Акоса.

2

СИЗИ

Я знаю, каково это – видеть, как гибнет твоя семья. В конце концов, я – Сизи Керезет. Я наблюдала за тем, как на полу гостиной нашего дома умирал мой отец. Смотрела, как шотетские солдаты утаскивали с собой Айджу и Акоса. На моих глазах увяла красота матери – точно так выгорает одежда на солнце. О потерях я знаю не так уж и мало. Просто не в состоянии продемонстрировать эмоции, как это делают другие. Меня ограничивает мой токоддар.

Я слегка завидую Исэй Бенезит, судьбоносному канцлеру Туве и моей подруге, ведь она способна скорбеть. После того как Исэй доводит себя до эмоционального истощения, мы засыпаем плечом к плечу в камбузе шотетского корабля заговорщиков.

Я просыпаюсь. Мою спину ломит, ведь я долго лежала у переборки. Я поднимаюсь на ноги и выполняю наклоны поочередно в обе стороны, одновременно оценивая ее состояние.

Видок у Исэй неважный. Это, впрочем, объясняется тем, что только вчера Ори, сестра-близнец канцлера, погибла на шотетской арене под возгласы горожан, требовавших ее крови.

Чувствует она себя соответственно. «Материя» вокруг Исэй шероховатая – как покрытые налетом зубы. Ее взгляд скользит по комнате, пробегая по моему лицу и фигуре. Это не тот взгляд, который вгоняет человека в краску. Словно разматывая клубок шелковой нити, я стараюсь успокоить Исэй при помощи токоддара, транслируя «волны умиротворения». Похоже, это не слишком-то помогает.

Странная вещь этот мой токоддар. Я не знаю, как чувствует себя Исэй, – не слишком понимаю, но ощущаю «материю». Я не в силах полностью

контролировать ее состояния, но могу пробовать. Иногда требуется несколько попыток. Вместо шелка, который оказался бесполезен, я пробую воду – тяжелую, накатывающуюся волнами.

Тщетно! Она чересчур взвинченна. В некоторых случаях, когда эмоции человека зашкаливают, я практически бессильна.

– Сизи, я могу доверять тебе?

На тувенском слово «могу» звучит забавно. Оно значит и «могу», и «следует», и «должен». И понять точно, что под ним подразумевается, возможно только из контекста. Временами это становится причиной недопониманий. Вероятно, именно поэтому народы других планет, отзываясь о нашем языке, используют эпитет «скользящий». Поэтому, а еще и потому, что туземцы до жути ленивы.

Выходит так, что, когда Исэй Бенезит спрашивает меня на моем родном языке, может ли она доверять мне, я не могу с уверенностью сказать, что она имеет в виду. В любом случае ответ всего один:

– Конечно.

– Вот что, Сизи...

Голос Исэй звучит тихо и спокойно. Это указывает на то, что канцлер настроена серьезно. Ее голос «вибрирует» в моей голове – довольно приятные ощущения.

– Я намерена кое-что предпринять. И хочу, чтобы ты в этом поучаствовала. Но я беспокоюсь, что ты не станешь...

– Исэй, – перебиваю я. – Я исполню все, что ты попросишь, – легонько дотрагиваюсь до ее плеча. – Договорились?

Исэй кивает.

Она выводит меня из камбуза. По пути я стараюсь не напороться ступней на какой-нибудь кухонный нож. Запершись здесь, Исэй выкорчевывала ящики и

громила все, что попадало ей под руку. Поэтому пол устлали лоскуты от тряпок, стеклянные осколки, обломки пластика и размотанные бинты. Думаю, винить ее нельзя.

Токодар предостерегает меня от действий и высказываний, которые могут заставить другого почувствовать неловкость. Именно поэтому после смерти отца я рыдала лишь наедине с собой. Месяцами я не могла толком поговорить о чем-либо с матерью. И если бы я была способна разгромить кухню, как Исэй, я бы это сделала.

Я покорно следую за канцлером. Мы минуем тело Ори, аккуратно обернутое парусиной. Вот очертания ее плеч, выступы носа и подбородка – всего лишь напоминания о том, какой она была.

Исэй останавливается и порывисто выдыхает. Она «окаменела» еще больше. Кажется, я кожей ощущаю отлетающие от нее песчинки. Я знаю, что не в силах помочь Исэй обрести покой, но испытываю такую жалость, что просто не могу не продолжать попытки.

Я посылаю в ее сторону пучки воздушной ковыль-травы и добротный кусок отполированной древесины. Посылаю согревающее масло и металлические шарики. Ничего не помогает. Я в расстройстве. Как так? Я не могу помочь подруге!

На миг я задумываюсь о том, чтобы попросить о помощи. Акос и Кайра здесь, на навигационной палубе. Матушка тоже – где-то в глубинах корабля. Здесь даже Тека, подруга-диссидент Акоса и Кайры, – растянулась на скамье, небрежно раскидав копну белоснежных волос. Но ни к одному из них я обратиться не могу. Во-первых, благодаря моему «токопроклятию» я просто физически не способна осознанно причинять неудобства, а во-вторых, чутье шепчет, что лучше бы мне завоевать доверие Исэй.

Я спускаюсь в низ судна следом за канцлером – к двум складам и галюну, в котором, судя по звукам журчащей оборотной воды, находится моя мать. В складском помещении с иллюминатором заперт один из моих братьев – Айджа. Мне больно видеть его вновь. Прошло так много времени с тех пор, как его похитили, и он выглядит таким маленьким рядом с этой бледной шпалой, Ризеком Ноавеком. Полагается, что с возрастом люди становятся сильнее и

«толстокожее». Но это не про Айджу.

Во второй комнате, по соседству с инструментами для уборки, заключен Ризек Ноавек. От осознания того, что негодяй, отнявший у меня братьев и погубивший моего отца, находится совсем близко, по телу пробегает мелкая дрожь. Исэй замирает меж двух дверей, и меня осеняет, что она намерена войти в одно из помещений. И мне не хочется, чтобы ее выбор пал на комнату с Айджой.

Я понимаю, что он убил Ори. Технически. Именно в его руке находился нож, который пронзил ее плоть. Но я знаю своего брата. Он не способен на убийство, в особенности если речь идет о друге детства. Этому должно быть какое-то объяснение. Уверена, к этому приложил руку Ризек.

– Исэй! Что ты хочешь?..

Она прикасается к губам тремя пальцами, приказывая мне молчать.

Канцлер зависла посередине. Очевидно, она что-то взвешивает в уме, будто прислушивается к слабому гулу. Исэй вынимает из кармана ключ (должно быть, стащила у Теки, когда та вышла убедиться, в верном ли направлении мы летим к штаб-квартире Ассамблеи) и вставляет его в замочную скважину камеры Ризека. Я кладу ладонь на руку Исэй.

– Он опасный тип, – предостерегаю я подругу.

– Ничего, я справлюсь, – отвечает она. Тут глаза Исэй смягчаются, и она добавляет: – Я не позволю ему и пальцем тебя тронуть. Обещаю.

Я выпускаю ее руку. Какая-то часть меня страстно желает его увидеть – встретиться наконец с чудовищем лицом к лицу. Исэй отпирает дверь. С закатанными рукавами, у задней переборки сидит он, вытянув вперед ступни. Мое внимание привлекают длинные костлявые пальцы его ног и тонюсенькие лодыжки. Неужто жесткий диктатор может обладать столь неустойчивыми конечностями?

Если Исэй и испытывает страх, то умело его скрывает. Скрестив руки на груди, она стоит с гордо поднятой головой.

– Вот это да! – Ризек проводит языком по верхнему ряду зубов. – Сходство близнецов всегда повергает меня в шок. Ты выглядишь в точности, как Ори Бенезит. Если бы еще не эти шрамы... Как давно они тебя украсили?

– Два сезона назад, – сухо бросила Исэй.

Она говорит с ним. С Ризеком Ноавеком. Моим заклятым врагом, похитителем ее сестры и обладателем многочисленных знаков смерти на внешней стороне предплечья.

– Ну, тогда они еще затянутся. Такая жалость. Они тебе идут, – отвечает Ризек.

– Да, я – произведение искусства. Художником был вылезший из помойки шотетский мясной червь.

Я уставилась на Исэй. Доселе я не слышала, чтобы она столь гневно отзывалась о шотетах. На нее это не похоже. Мясной червь – самое гнусное унижение для шотетов. Мясные черви – серые, извивающиеся твари, пожирающие людскую плоть. Благодаря отиранской медицине паразитов практически удалось истребить.

– Ах!

Уголки губ Ризека раздвигаются все шире, отчего на щеках появляются ямочки. Что-то в нем мне знакомо. Может, это сходство с Кайрой? Хотя с первого взгляда не скажешь, что они похожи хоть на малую толику.

– Выходит, помимо того что враждебность к моему народу течет в твоей крови, есть кое-что еще.

– Точно.

Исэй опускается на корточки, упираясь локтями в колени. Канцлер старается держаться уверенно и грациозно, но я беспокоюсь за нее. Исэй такая высокая и тоненькая. Куда ей мериться силами с Ризеком, который, несмотря на худосочность, довольно-таки крепок. Одно неверное движение – и он набросится на Исэй. И чем я смогу помочь? Закричать?

– Полагаю, ты разбираешься в шрамах. – Исэй кивает на руку Ризека. – Ты отметишь смерть моей сестры?

Мягкая внутренняя сторона предплечья Ноавека не имеет шрамов – шотеты начинают снаружи и двигаются по кругу – ряд за рядом. У Ризека уже более одного.

– А ты принесла мне нож и чернила?

Исэй поджимает губы. «Материя» наждачной бумаги, окутывавшая ее секунду назад, становится заостренной, словно отколотый кусок камня. Я машинально вжимаюсь спиной в дверь и нащупываю ручку.

– Ты всегда присваиваешь себе убийства, которых не совершал? – спрашивает Исэй. – Помнится мне, в последний раз не ты стоял на помосте с ножом в руке.

Глаза Ризека сверкнули.

– Любопытно, ты вообще убивал? Или поручал грязную работу другим? – Исэй склонила голову набок. – Тем, у кого, в отличие от тебя, желудок достаточно крепок.

Это оскорбление для шотета. И тувенец не в силах понять, насколько серьезное. Ризек не оставляет этого без внимания, но продолжает сверлить Исэй глазами.

– Мисс Керезет, – обратился ко мне Ризек, не отводя глаз от канцлера. – Вы так похожи на старшего брата. – Тут он кидает на меня оценивающий взгляд. – Вам не интересно, что с ним стало?

Мне хочется звучать дерзко, будто Ризек для меня – пустое место. Я хочу взглянуть в его глаза твердо. Желаю, чтобы тысячи вариантов отмщения воплотились в жизнь столь же молниеносно, как распускаются тихоцветы в канун Цветения.

Но я размыкаю губы и не могу вымолвить ни слова. Что ж, прекрасно. Я представляю, что схлопываю ладони и поражаю Ризека токодаром. Не каждый владеет токодаром так, как я. Вот бы еще научиться говорить то, что хочется.

Когда волны токодара долетают до Ризека, он расслабляется. Это не работает с Исэй – по крайней мере насколько вижу я. Но есть надежда, что язык Ризека подразвяжется. Что бы ни задумала Исэй, очевидно, для начала она намерена его разговорить.

– Мой отец, великий Лазмет Ноавек, наставлял меня, что вместо ножей можно использовать других. Нужно лишь смекнуть, как ими управлять. И все же лучшим твоим оружием должен быть ты сам, – промолвил Ризек. – Я всегда принимал эти слова близко к сердцу. Да, некоторые убийства я поручал подчиненным. Но будьте уверены, канцлер, эти смерти принадлежат мне по праву.

Ризек валится на колени, соединяя ладони. Он и Исэй дышат всего в нескольких изитах друг от друга.

– Я отмечу смерть твоей сестры на руке. Эта победа станет достойным украшением моей коллекции.

Ори. Я помню, какой напиток она предпочитала по утрам (кору гарвы – для энергии и ясности ума) и как ее раздражал скол на резце. И сейчас в моих ушах шотеты голоса нараспев: «Смерть! Смерть! Смерть!»

– Это многое объясняет, – отвечает Исэй.

Канцлер протягивает руку Ризеку. Тот отвечает ей изумленным взглядом. И неудивительно. Кто станет пожимать руку убийце родной сестры, который к тому же кичится этим?

– Ты странная, ей-богу. Должно быть, ты недолюбливала сестру, раз протягиваешь мне руку.

Я вижу туго натянутую кожу на костяшках другой руки Исэй – на той, что не вытянута к Ризеку. Она разжимает кулак и тянется к ботинку.

Ризек берет руку Исэй, а затем каменеет, широко распахивая глаза.

– Ошибаешься. Я любила ее больше, чем кого-либо.

Канцлер что есть мочи стискивает ладонь Ризека, впиваясь ногтями в его кожу, а ее левая рука продолжает тянуться к ботинку.

Я слишком ошеломлена, чтобы понять, что к чему. Вмешиваться уже поздно.левой рукой Исэй извлекает клинок из ножен на лодыжке, а правой тянет Ризека на себя. Человек и лезвие словно сливаются воедино. Исэй проталкивает лезвие глубже, и горловые стоны Ризека переносят меня в мою юность – в гостиную, где я, рыдая, оттираю половицы от крови.

Истекая кровью, Ризек падает.

Я резко давлю рукой на дверную ручку и вылетаю в коридор. Я вою, реву и колочу кулаками по стенам. Нет, конечно же, я этого не делаю. Токодар не позволяет. Все, на что я способна, – испустить один-единственный слабый вопль.

3

КАЙРА

Я бросилась на крик Сизи Керезет. Акос устремился следом за мной. Я не стала спускаться с палубы по ступенькам, а просто прыгнула вниз и направилась прямо к камере Ризека. Он единственный мог послужить причиной воплей на этом судне. В коридоре я увидела Сизи. Она вжалась в переборку напротив распахнутой двери склада.

Позади Сизи, с другого конца корабля, прыгнула Тека, привлеченная сюда тем же звуком. В камере Ризека стояла Исэй Бенезит, а у ее ног лежала груда конечностей моего брата.

Было в этом что-то поэтическое. Акос наблюдал, как его отец умирал, лежа на полу. А теперь я смотрела, как то же самое происходило с Ризеком.

Он умирал гораздо дольше, чем я себе это представляла. Очевидно, убийство было преднамеренным. Все это время Исэй Бенезит стояла, склонившись над

телом Ризека, сжимая в кулаке окровавленный нож. Ее взгляд был пустым, но настороженным. Канцлер желала насладиться этим моментом – торжеством победы над убийцей ее сестры. Одного из убийц, если быть точной. Ведь Айджа, который держал в руке клинок, по-прежнему находился в соседнем помещении.

Наши с Ризеком глаза встретились. И тут я погрузилась в воспоминание, как будто брат меня коснулся. Не в то, которое Ризек когда-то у меня отнял, но в то, которое я словно скрывала сама от себя.

Я стояла в проходе за оружейным залом, прижавшись глазом к трещине в стене. Так я подглядывала за переговорами отца и знаменитого шотетского бизнесмена, переквалифицировавшегося в хозяина трущоб. Я часто шпионила за отцом и его встречами – от скуки и потому, что мне были любопытны дела нашего дома. Но в тот раз случилось жуткое. Прежде, во время наблюдений за совещаниями отца, такого не происходило. Лазмет вытянул вверх руку с двумя торчащими пальцами, как обычно дают благословение золданские священники. Бизнесмен вынул свой нож. Он словно действовал против своей воли и боролся с собственными мускулами. Воткнул нож во внутренний угол своего глаза.

– Кайра! – прошептал голос за моей спиной, отчего я встрепенулась.

Молодой, прыщавый Ризек опустился возле меня на колени. Он обхватил мои щеки. И только тогда я поняла, что плачу. Когда раздался крик, брат зажал мои уши ладонями, а голову прижал к груди. Сперва я пыталась сопротивляться, но Ризек был слишком силен. Я слышала лишь, как колотилось мое сердце. Когда все закончилось, брат запрокинул мою голову, смахнул слезы и произнес:

– Как говорит наша мать? Те, кто ищет боли...

– Находят ее повсюду, – завершила я фразу.

Тека положила ладони на мои плечи, легонько подтолкнула и окликнула меня. Я глянула на нее в недоумении.

– Что такое?

– Твои тени... – Она покачала головой. – В общем, неважно.

Я понимала, что она хотела сказать. Мой токодар неистовствовал, и черные нити клубились вокруг меня. Тени стали вести себя иначе, после того как Ризек заставлял меня пытаться Акоса в камере под амфитеатром. Вместо того чтобы тянуться темными венами под кожей, теперь они скользили над ее поверхностью. Но тени продолжали причинять мне боль – и на этот раз она была невыносимой. Глаза застлала пелена, а ногти оставили отпечатки на запястьях.

Акос стоял на коленях в крови моего брата, нащупывая артерию на горле Ризека. Затем он поник, опустив руки на бедра.

– Все кончено, – произнес он хриплым голосом, будто только что глотнул молока. – После всего, на что пошла Кайра, чтобы помочь мне, после всего...

– Даже не подумаю извиняться, – прорычала Исэй и наконец отвела взгляд от Ризека.

Канцлер внимательно посмотрела на каждого из нас: на Акоса в луже крови, на Теку, стоявшую за моей спиной с широко распахнутыми глазами, на мои покрытые черными прожилками руки и на Сизи, которая, ухватившись за живот, подпирала переборку. Воздух прорезала едкая вонь рвотных масс.

– Он погубил мою сестру! Жестокий тиран, палач и убийца! Извиняться я не собираюсь.

– Дело не в нем! Думаешь, я не желал ему смерти? – Акос вскочил на ноги. Спереди по его штанам, от коленей до ступней, стекала кровь. – Я мечтал об этом! У меня он отнял больше, чем у тебя!

Акос стоял совсем близко к Исэй. Я было подумала, что он ударит ее, но тот ограничился лишь порывистым движением руки в сторону канцлера.

– Я хотел, чтобы он исправил то, что натворил, чтобы вернул прежнего Айджу...

Казалось, все его тело пронзила жгучая боль. Ризек – мой... был моим братом, но страдала не я, а Акос. Он мужественно боролся, старательно продумывая

способы вызволить брата из плена, но каждый раз на его пути вставали люди, наделенные большей властью. В конце концов Акосу удалось отобрать Айджу у шотетов, но не спасти его. Все планы, борьба, попытки были... напрасны.

Чтобы не упасть, Акос оперся о ближайшую переборку, прикрыл веки и подавил стон отчаяния. Наконец я пришла в себя.

– Иди наверх, – скомандовала я Исэй. – И уведи с собой Сизи.

Сперва мне показалось, что канцлер собиралась возразить, но передумала. Она швырнула прямо себе под ноги оружие убийства – обычный кухонный нож – и подошла к Сизи.

– Тека, – продолжила я. – Будь добра, отведи Акоса наверх.

– А ты... – начала Тека, но тут же умолкла. – Хорошо.

Исэй с Сизи и Тека с Акосом оставили меня. Здесь. Одну. С бездыханным телом брата. Тиран скончался рядом со шваброй и средством для дезинфекции. «Как символично», – подумала я и подавила смешок. Точнее, попыталась. Но не смогла. В секунды, когда мои ноги подкашивались от смеха, я запускала пальцы в волосы – с той стороны, где была вживлена дермоамальгама, дабы напомнить себе, как Ризек резал меня ради увеселения толпы, как вселял в меня свои воспоминания, будто я была заводом по переработке боли. Все мое тело покрывали шрамы, которые нанес Ризек Ноавек.

Теперь я свободна от него.

Успокоившись, я принялась убираться за Исэй Бенезит. Тело Ризека не внушало мне страха, так же как кровь. Я поволокла его за ноги в коридор. От усилий по моей шее заструился пот. Мертвым Ризек был увесист, полагаю, как и при жизни. И это при его-то тощем телосложении. Когда подошла предсказательница Сифа, мать Акоса, я не промолвила ни слова – лишь наблюдала за тем, как она подкладывала парусину под тело Ризека, чтобы его укрыть. Сифа нашла на складе нитку с иглой и помогла мне соорудить самодельный похоронный чехол.

Если шотетские похороны проводились на суше, они включали в себя обряд сожжения, как и в большинстве культур нашей разношерстной Солнечной системы. Но особой честью считалось погибнуть в космосе во время Побывки. Мы укутывали тела полностью, оставляя голову, чтобы родные имели возможность проститься с близким человеком. Когда Сифа сдвинула ткань с лица Ризека, я поняла, что она изучала наши обычаи.

– Я видела так много вариантов развития событий, – наконец заговорила Сифа, вытирая пот со лба. – Не думала, что все сложится именно так. Я бы предупредила тебя.

– Нет, не предупредили бы. – Я пожала плечами. – Вы вмешиваетесь, только когда преследуете личные цели. Мои проблемы вас не трогают.

– Кайра...

– Мне плевать. Я ненавидела его. Просто... не нужно изображать, будто вам есть до меня дело.

– Я не лукавлю, – ответила Сифа.

У нее определенно было что-то общее с Акосом. Мимика и жесты – да, здесь я узнавала его. Подвижные брови, быстрые и ловкие движения рук. Но черты лица, смуглая кожа, невысокий рост – это было совсем не похоже на Акоса.

Я не знала, как проверить, насколько она была честна, поэтому размышлять об этом не стала.

– Поможете закинуть его в мусороотвод?

Я взялась за тяжелую сторону – с головой и плечами, а Сифа подняла ноги. Нам повезло, что до желоба было всего несколько метров – еще одно приятное совпадение. Мы преодолевали расстояние поэтапно, делая по два-три шага за подход. Голова Ризека качнулась. Его глаза раскрылись, но взгляд был безжизненным, и я ничего не могла изменить. Я поместила тело брата в мусорную трубу и нажала на кнопку, чтобы отворить первые створки, располагавшиеся на уровне моего пояса. К счастью, Ризек был достаточно худ,

иначе его плечи бы не влезли. Мы с Сифой вместе вытолкнули труп в небольшой желоб. Пришлось согнуть ноги Ризека, чтобы они не помешали закрытию внутренних створок. Я снова нажала на кнопку, и поддон двинулся вперед по желобу, намереваясь запустить тело моего брата в космическое пространство.

– Я знаю молитву. Могу прочесть, если пожелаешь, – предложила Сифа.

Я покачала головой.

– Эту молитву читали на похоронах моей матери... Нет, не нужно.

– Тогда давай признаем, что такова была его судьба. Пасть от руки Бенезита. Зато ему больше не нужно бояться этого.

Это прозвучало довольно любезно.

– Привести бы себя в порядок!

Кровь на моих ладонях уже свернулась, отчего они начинали зудеть.

– Пока ты не ушла, – произнесла Сифа, – хочу предупредить тебя. Ризек не был единственным, кого канцлер обвиняет в смерти сестры. Она лишь начала с него, чтобы отложить более важную часть возмездия на потом. На этом она не остановится. Я знаю Исэй достаточно хорошо. Она не милосердна.

Я уставилась на предсказательницу, поскольку до меня не сразу дошел смысл ее слов. Она говорила об Айдже, по-прежнему заточенном в соседнем складском помещении. И не только о нем, но и о всех нас, виновных, по мнению Исэй, в смерти Ори.

– Есть спасательная капсула. Можем посадить ее, а кто-нибудь из Ассамблеи подберет, – предложила Сифа.

– Пускай Акос опоит ее. Сейчас я не в лучшей форме и не готова к борьбе.

АКОС

Акос пробирался сквозь кухонную утварь, разбросанную по полу камбуза. Вода уже закипала. Осталось лишь вылить в напиток успокоительное из пузырька, стоявшего наготове, и насыпать в сито несколько стеблей сушеной травы. Корабль дернулся, и Акос наступил на вилку, расплющивая пяткой ее зубчики.

Он ненавидел свою глупую голову, внушавшую ему idiotские мысли, будто для Айджии еще не все кончено. Галактика полна людей с разнообразными способностями. Кто-то должен знать, как помочь его брату.

По правде говоря, Акос устал жить надеждой. Он цеплялся за нее с того самого момента, как угодил в лапы шотетов, и теперь был готов сдаться и довериться судьбе. Смерть, Ноавеки, шотеты – он ко всему был готов.

Но он обещал отцу вернуть Айджю домой.

Может, просто лететь в пустоте космоса было лучшим сценарием для Акоса? Может, этого вполне достаточно, но...

– Заткнись, тряпка! – рявкнул сам на себя Акос, вынул траву из камбузного шкафчика и набил ею ситечко.

Это были не ледоцветы, но Акос успел хорошо изучить шотетские растения, чтобы собрать простую успокоительную смесь. Для этого не требовалось особых навыков. Несколькими легкими движениями он добавил пару корней гарока к истертым в порошок панцирям фензу и сдобрил сверху цветочным нектаром для вкуса. Акос не знал названий растений, из которых этот нектар был изготовлен, потому еще со времен службы в армии прозвал крохотные нежные цветочки «сорноцветами», но так и не удосужился узнать, как они звались на самом деле. Они были сладкими. Похоже, что это было единственным их полезным свойством.

Когда вода закипела, Акос пропустил ее через сито. Темно-коричневый окрас, который приобрел кипяток, отлично подходил для того, чтобы замаскировать в нем желтое успокоительное. Матушка попросила опохмелить Исэй, а зачем, Акос интересоваться не стал. Он старался не думать о канцлере, с тех пор как та скрылась с его глаз. Но он все не мог до конца «развидеть» жуткую картину. Перед глазами Акоса то и дело всплывала Исэй, склонившаяся над Ризеком Ноавеком и глазающая, как тот истекает кровью, словно это было неким увеселительным представлением. Может быть, Исэй Бенезит и выглядела так же, как Ори, но она была совершенно другой. Акос не смог представить, чтобы Ори стояла и наслаждалась чьей-то смертью. Даже если бы ненавидела этого кого-то всей душой.

После того как напиток был готов и смешан со снадобьем, Акос отнес его Сизи, сидевшей в одиночестве на скамье снаружи камбуза.

– Меня ждешь? – спросил Акос.

– Ах да. Так сказала мама.

– Славно. Отнесешь это Исэй? Это поможет ей успокоиться.

Сизи удивленно взглянула на брата.

– Только не вздумай сама пить, – предостерег Акос.

Сизи протянула руку, но не взяла кружку, а коснулась запястья брата. Он заглянул сестре в глаза, и ее взгляд переменился. Ожесточился, как это всегда происходило, если Акос перебивал токодар Сизи своим.

– Кем стал Айджа? – спросила она.

Тело Акоса напряглось. Ему совершенно не хотелось думать о том, кем стал его брат.

– Тем, кто служил Ризеку Ноавеку, – с отвращением промолвил Акос. – Тем, кто ненавидит меня и отца. Вероятно, тебя с матушкой – тоже.

– Разве это возможно? – Сизи помрачнела. – Он не мог возненавидеть нас просто потому, что кто-то заложил в его черепушку другие воспоминания.

– Откуда мне знать? – практически гаркнул Акос.

– Может...

– Знаешь, пока меня пытали, он держал меня, чтобы я не рыпался.

Акос сунул кружку в руки сестры. Напиток слегка выплеснулся через край на их пальцы. Сизи отдернула ладонь и вытерла костяшки о штаны.

– Я тебя обжег? – Акос испуганно кивнул на руку сестры.

– Нет.

Токодар вернул Сизи мягкое выражение лица. Акосу не хотелось никаких «нежностей», поэтому он отвернулся.

– Это же не навредит ей?

Акос услышал звуки «дзынь-дзынь-дзынь» – Сизи постукивала ногтем по кружке.

– Нет. Это убережет ее.

– Ну, тогда пойду отнесу.

Акос слегка ухмыльнулся. У него еще имелось успокоительное в заначке. Может, стоит принять его самому? Никогда еще он не был так изможден – словно узор, вышитый лишь наполовину, испещренный пробелами. Легче просто завалиться спать, вместо того чтобы опаивать себя до одурения. Акос вынул из кармана лепесток сушеного тихоцвета и заложил его за щеку. Это не отправит его в забытье, но слегка одурманит. Лучше, чем совсем ничего.

Спустя час, когда Сизи вернулась, Акос еще продолжал терапию тихоцветами.

– Готово! Она в отключке.

– Замечательно. Теперь нужно затащить ее в спасательную капсулу.

– Я полечу с ней! – заявила Сизи. – Если маменька не ошибается и близится война...

– Маменька не ошибается.

– Что ж. В таком случае, если ты против Исэй, значит, и против Туве. Я не намерена предавать моего канцлера.

Акос понимающе кивнул.

– Вижу, у тебя другие планы, – заключила Сизи.

– Моя судьба – быть предателем. Забыла?

– Акос...

Сизи присела напротив брата. В какой-то момент, пока сестра отсутствовала, он упал на тяжелую холодную скамью, пахнущую чистящим средством. Сизи положила ладонь на колено Акоса. Из пучка ее сальных волос выбилась прядь и упала на лицо. Сизи была хорошенькой девушкой с лицом холодного коричневого оттенка, напоминавшего трелльские керамические изделия, – такого же, как у Кайры, Айджи и Йорека.

– Ты не должен противиться голосу сердца. Только потому, что мама воспитала в тебе веру и уважение к судьбе и провидцам. Ты – дитя Туве. И должен отправиться со мной. Кто хочет – пускай сражается. А мы вернемся домой и будем ждать войну там. Здесь мы никому не нужны.

Акос уже думал об этом. Он никогда еще не был так разбит. И дело не только в его судьбе. Когда дурман тихоцвета развеялся, Акос вспомнил, как славно он смеялся с Кайрой несколькими часами ранее, как, обнимая ее, ощущал тепло. И он будет скучать по этому так же, как сейчас по дому. Вот бы подняться вновь по скрипучей лестнице, погреться у горюч-камней во внутреннем дворе и

подбрасывать в воздух муку, пока месишь тесто... Но приходится мириться с реальностью. А в реальности Айджа был сломлен, Акос говорил на шотетском, и от судьбы было не сбежать.

– Выстрадай судьбу. Все остальное – заблуждение, – печально произнес Акос.

Сизи тяжело вздохнула.

– Наверное, ты прав. Хотя иногда неплохо и заблудиться.

– Береги себя, договорились? – Акос взял сестру за руку. – Надеюсь, ты понимаешь, как я не хочу потерять тебя снова. Я желаю этого меньше всего на свете.

– Знаю. – Сизи сжала большой палец брата. – А я все еще верю. Верю, что однажды ты вернешься домой, что Айджа оправится, а мама забросит к чертям чепуху со всеми этими предсказаниями, и мы снова будем вместе.

– Эх...

Акос постарался выдавить улыбку. Нечто похожее у него вышло.

Сизи помогла Акосу поместить Исэй в капсулу, а Тека объяснила, как подается сигнал S.O.S., чтобы «болваны» – как величала их Тека – из Ассамблеи их нашли. Сизи поцеловала на прощание мать и заключила в крепкие объятия Акоса, посылая ему лучи своего тепла.

– Ты такой дылда! – тихо сказала сестра, отстраняясь от Акоса. – Кто разрешал тебе перерастать меня настолько?

– Хотел позлить тебя, – усмехнулся Акос.

Сизи вошла в капсулу, и люк захлопнулся. Он не знал, увидит ли сестру вновь.

Насвистывая, Тека запрыгнула в командирское кресло на навигационной палубе и поддела крышку панели управления клиновидным инструментом, который сняла с пояса.

– Что это ты вытворяешь? – поинтересовалась Кайра. – Сейчас не время разбирать корабль.

– Послушай, это не твой корабль, а мой, – закатила голубой глаз Тека. – Именно я спроектировала многие детали, которые помогают нам выжить. Неужто ты и впрямь горишь желанием лететь в штаб-квартиру Ассамблеи?

– Нет. – Кайра заняла кресло второго пилота справа от Теки. – В прошлый раз я нечаянно услышала, как представитель от Треллы назвала мою мать куском грязи. Она думала, я ничего не понимаю. Хотя говорила на отирианском.

– Нужны цифры...

Из горла Теки вырвался презрительный смешок. Она вынула из панели управления горсть проводков и запустила в них пальцы, будто в шерсть четвероногого друга. Тека забралась под провода – в ту часть панели, которая была скрыта от глаз Акоса. В конце концов ее рука исчезла полностью. Координаты отразились сверху, сверкая на фоне токотечения. Нос корабля (Акос был уверен, что существует технический термин, но он его не знал и называл просто «носом») сместился вбок и устремился к токотечению, а не от него.

– Нам-то ты расскажешь, куда мы летим? – поинтересовался Акос, заходя на навигационную палубу.

Панель управления с бесчисленным множеством рычагов, кнопок и переключателей горела разноцветными огнями. Даже если бы Тека выпрямила руку полностью, то, сидя в кресле, не смогла бы дотянуться до самых дальних из них.

– Ладно, раз уж мы застряли здесь все вместе, скажу.

Она сняла с запястья широкую резинку и собрала светлые волосы на макушке. Тека в рабочем комбинезоне, сидящая в кресле капитана, подогнув под себя ноги, производила впечатление играющего ребенка.

– Мы направляемся к колонии диссидентов. На Огру.

Огра. Ее прозвали «планетой теней». Встреча с огрианцем считалась редкостью, не говоря уже о том, чтобы лететь к Огре на звездолете. Она находилась так же далеко от Туве, как и любая планета в пределах безопасного кольца токотечения, опоясывавшего нашу звездную систему. Таких шпионских систем, с помощью которых можно было бы разглядеть, что происходит за ее плотной темной атмосферой, попросту не существовало. Удивительно, что огрианцы улавливали сигнал новостного канала. Но они никогда не транслировали свои новости. Так что практически никто никогда не видел поверхность Огры даже на картинках.

Конечно же, глаза Кайры зажглись энтузиазмом.

– На Огру? Но как ты ведешь с ними переговоры?

– Единственный способ обмениваться информацией, минуя любопытное правительство, – передавать ее из уст в уста, – сказала Тека. – Вот почему моя мать оказалась на борту побывочного судна. Находясь среди заговорщиков, она преследовала интересы диссидентов. Мы пробовали работать вместе. Во всяком случае, колония диссидентов – подходящее для нас место, чтобы собраться с силами и выяснить, что происходит в Воа.

– Дай предположу. – Акос сложил руки на груди. – Хаос.

– А затем настанет еще больший хаос, – глубокомысленно кивнула Тека. – После короткого перерыва. На хаос, разумеется.

Акосу даже вообразить было страшно, что сейчас творилось в Воа. Шотеты считали, что младшая сестра Ризека Ноавека заколола его прямо на их глазах. По крайней мере так все выглядело, когда Кайра заявила на арену, чтобы зарезать братца, а на самом деле ждала, пока подействует снотворное, дабы нанести удар и повалить его на землю. Должно быть, управление армией взял на себя Вакрез Ноавек – старший кузен Ризека, или кто-то с окраины города вышел на улицу, чтобы воспользоваться моментом и перехватить власть. В любом случае Акос представлял улицы в стеклянных осколках, брызгах крови и летающих по ветру клочках бумаги.

Кайра опустила голову на ладони.

– И Лазмет.

От удивления Тека приподняла брови.

– В смысле?

– Перед смертью Ризек... – Кайра небрежно махнула рукой в другой конец корабля, где Ризек отошел в мир иной, – сказал мне, что отец жив.

Кайра редко рассказывала о Лазмете. Акос слышал о нем только в детстве на уроках истории. И знал пару сплетен. Но, как показывала практика, тувенские рассказы о шотетах не всегда оказывались правдивыми. Ноавеки обрели власть над шотетами всего два поколения назад, когда провидцы раскрыли тайны их судеб. Мать Лазмета достигла совершеннолетия и захватила трон силой, оправдывая переворот судьбой. Она правила более десяти сезонов, а затем убила всех сестер и братьев, дабы обеспечить властью собственных детей. Вот в такой семье воспитывался Лазмет. И судя по всему, в каждом изите унаследовал жестокость матери.

– Seriously? – со вздохом простонала Тека. – Это что, закон Вселенной? Как минимум одна падла Ноавек должна жить? Или как?

Кайра развернулась к Теке.

– А я что? Мертва, по-твоему?

– Ты-то не падла, – отмахнулась Тека. – Пререкайся со мной дальше, и я изменю свое мнение.

Похоже, Кайре это слегка польстило. Она привыкла к тому, чтобы люди считали ее «еще одним Ноавеком».

– Как бы ни действовали законы Вселенной по отношению к Ноавекам, я ума не приложу, что с Лазметом. Но похоже, Ризек не врал. Он не пытался добиться чего-то. Просто... предупреждал меня, что ли.

Тека прыснула.

– Ризек же был так милосерден!

– Он боялся отца, – вмешался Акос.

Когда Кайра говорила о Ризеке, она всегда упоминала его страх. Что могло напугать такую личность, как Ризек, больше, чем человек, сделавший его тем, кем он был?

– Я прав? Ризек напуган больше, чем кто-либо. Был напуган, точнее.

Кайра кивнула.

– Если Лазмет жив... – ее прикрытые веки дрожали, – это нужно исправить. Как можно скорее.

«Это нужно исправить». Будто говорит о технической ошибке или алгебраической задаче. Акос не понимал, как можно говорить в таком тоне о родном отце. Это поразило его больше, чем если бы Кайра просто пришла в ужас. Она говорила о Лазмете не как о человеке. В чем таком она уличила отца, чтобы так к нему относиться?

– Разберемся, – произнесла Тека чуть более мягким голосом, чем обычно.

Акос откашлялся.

– Ага. Давайте для начала доберемся живьем до Огры, преодолев ее атмосферу. А потом уже поговорим о нападении на самого могущественного шотета в истории.

Кайра подняла взгляд и залилась смехом.

– Всем приготовиться к долгому полету, – объявила Тека. – Мы держим путь на Огру.

СИЗИ

Мы умещаемся в спасательной капсуле, но приходится плотно жаться друг к другу. Мое плечо упирается в стеклянный корпус. На крошечной панели управления я ищу рычаг, активирующий сигнал бедствия. Он подсвечен розовой лампой. Передо мной всего три переключателя – так что найти нужный не составляет труда. Я щелкаю переключателем, и раздается пронзительный свист, свидетельствующий о том, что началась передача сигнала. Так и говорила Тека. Осталось только дожидаться пробуждения Исэй и стараться не паниковать.

Находиться внутри небольшого судна вроде того, которое мы только что покинули, весьма волнующе для девушки из Гессы, которая всего-то пару раз в жизни покидала планету. Но спасательная капсула – это совсем другая вещь. Здесь пол больше напоминает иллюминатор. Округлый прозрачный стеклянный корпус над головой и под ногами создает ощущение, что я не просто гляжу в космическую даль, а что она скорее меня поглотила. Лучше не думать об этом – так и до паники недалеко. Надеюсь, Исэй скоро проснется.

Она дремлет на сиденье рядом со мной. Ее тело полностью обволакивает тьма, и кажется, будто она единственная в целой Вселенной. Я познакомилась с Исэй всего пару сезонов назад, когда объявилась пропавшая Ори, которая заботилась о сестре после того, как шотетский нож оставил шрамы на ее лице. Исэй выросла вдали от Туве – на транспортном судне, что перевозило различные товары по галактике. Хорошо, что Ори была рядом – мы хотя бы начали друг с другом общаться. В противном случае, возможно, мы так никогда бы и не заговорили. Она вселяла страх еще до того, как вступила в должность канцлера. Высокая, стройная и прекрасная, со шрамами и без, излучающая нечеловеческую силу.

Не могу сказать точно, спустя какое время Исэй открыла глаза.

Первые минуты ее шатает спросонья. Она всматривается в пустоту помутневшими глазами и не видит ровным счетом ничего, кроме мерцания далеких звезд. А затем оборачивается на меня.

– Си? Где это мы?

– Мы в спасательной капсуле. Ждем, пока Ассамблея заберет нас.

– В спасательной капсуле? – хмурится Исэй. – А от чего мы спасаемся?

– Полагаю, скорее они захотели спастись от нас.

– Ты что, напичкала меня снотворным? – Исэй трет кулаками глаза – сперва левый, затем правый. – Ты вроде приносила мне напиток?

– Я не знала, что в нем что-то такое было.

Лгать я умею хорошо. И долго не раздумываю. Правда Исэй не понравится. Ведь я хотела оградить от нее свою семью так же сильно, как и Акос. Мама сказала, Исэй не ограничится Ризеком и захочет убить Айджу. И я не горела желанием проверять, насколько верны были ее предсказания. Я не хотела снова терять брата, несмотря на то, кем он стал.

– Матушка напугала их, что ты убьешь и Айджу.

Исэй выругалась.

– Проклятые оракулы! Удивительно, что мы выдали им гражданство! При такой-то верности твоей мамы своему канцлеру!

Возразить мне было нечего. Конечно, Сифа разочаровывала, но она моя мать.

Я продолжила рассказ:

– Они поместили тебя в капсулу, и я заявила, что лечу с тобой.

Брови Исэй смещаются к носу в то время, как шрамы остаются неподвижными.

Иногда она потирает их, когда думает, что ее никто не видит. Говорит, это помогает растягивать рубцовую ткань и когда-нибудь она сможет шевелить

этими участками лица снова. По крайней мере доктор так говорит. Я спросила Исэй как-то, зачем она допустила образование шрамов, а не залатала их сразу при помощи отирианской регенеративной хирургии. Уж канцлер могла себе это позволить. Но она ответила, что не желает избавляться от шрамов, что они ей нравятся.

– Но зачем? – произнесла наконец Исэй после длительной паузы. – Они – твоя семья. Айджа – твой брат. Почему ты улетела со мной?

Говорить честно – не такое уж плевое дело, как многие считают. У меня есть столько ответов на ее вопрос – и все они правдивы. Она – мой канцлер, и я не намерена противостоять Туве, как мой братец. Я беспокоюсь об Исэй, как о подруге, как... не важно, кем мы там друг другу являемся. Меня встревожила глубокая тоска, которую я увидела в глазах Исэй перед тем, как она отправила Ризека Ноавека на тот свет. И ей была необходима помощь, чтобы увидеть разницу между верными решениями и жадной отмщением. Этот список можно продолжать дальше. Я выбрала тот правдивый ответ, который она хотела услышать больше всего.

– Ты спрашивала, можешь ли ты мне доверять. Как видишь – да. Я с тобой, несмотря ни на что.

– Я думала, после того, что я сделала...

Я вижу нож, которым Исэй заколола Ризека, а затем бросила на пол... и тут же гоню жуткие воспоминания прочь.

– Думала, ты и близко не захочешь ко мне подходить.

У меня не вызвало отторжения то, что она сделала с Ризеком. И это меня пугало. Меня не волнует его смерть, но тревожит, что Исэй способна на убийство. Но я не собираюсь объяснять это ей.

– Он же убил Ори, – говорю я.

– Как и твой брат, – шипит Исэй. – Они оба, Сизи. С Айджой что-то не так. Я узрела это в голове Ризека, прямо перед тем, как...

Не успев договорить, Исэй задыхается.

– Я знаю. – Я крепко сжимаю ее руку. – Знаю.

Исэй начинает рыдать. Сперва сдержанно, но затем ею овладевает зверь под названием «скорбь». Она цепляется изо всех сил за мои руки, в надежде, что ей полегчает. Но я знаю, знаю, как никто другой, что спасения не будет. Это прискорбно.

– Я понимаю, – говорю я и глажу ее по спине. – Понимаю тебя.

Спустя какое-то время Исэй перестает царапать мои руки и всхлипывать. Она утыкается лицом мне в плечо.

– Что ты делала, – в рот Исэй попадает моя блузка, и ее голос звучит приглушенно, – после того, как умер твой отец, а братьев...

– Я... долгое время я просто существовала. Ела, принимала ванну, училась. Но как будто отсутствовала. Такое у меня было чувство. Но... бывает, воспоминания накатывают и приводят в оцепенение. Этот шип колетса время от времени.

Исэй поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Прости, что не рассказала тебе о своем намерении. Прости, что позвала тебя с собой. Мне... мне просто нужен был свидетель, на случай если бы что-то пошло не так. А кроме тебя я никому не доверяю.

Я вздыхаю и заправляю выбившиеся пряди ее волос за уши.

– Я все понимаю.

– Ты бы помешала мне, если бы знала?

Я поджимаю губы. По правде говоря, я не знаю, но так отвечать не хочу – потеряю ее доверие. А этого допускать нельзя, если я собираюсь как-то повлиять на ход приближающейся войны.

– Нет. Я знаю, что ты всегда принимаешь верные решения.

И тут я не лгу. Но это не означает, что меня не беспокоит, с какой легкостью Исэй это сделала, и тот ее отсутствующий взгляд, с которым она вела меня на склад, и трепет, который она демонстрировала Ризеку лишь с целью дожидаться удобного момента, чтобы убить его.

– Они не захватят нашу планету, – помрачнев, шепчет Исэй. – Я им не позволю.

– Вот и славно.

Она берет меня за руку. Исэй касается меня не впервые, но все равно по моей коже пробегает холодок. Она невероятно могущественна. Сильна и безупречна. Мне хочется ее поцеловать, но сейчас не самое подходящее время – под ее ногтями еще не высохла кровь Ризека.

Мы держимся за руки и глядим в пустоту.

6

АКОС

Акос дотронулся до висевшей на шее цепочки. Он уже привык к тяжести кольца, лежащего в ложбинке на горле. Это был подарок Йорека и Ара Кузаров. Под весом брони кольцо оставляло отпечаток на коже, напоминающий клеймо. Как будто отметки на руке было недостаточно, чтобы напоминать Акосу о том, как он поступил с Сузао Кузаром – отцом Йорека и жестоким мужем Ары. Он не совсем понимал, почему думал об убийстве Сузао, стоя перед дверью камеры брата. Настало время принять решение – как долго еще необходимо держать Айджу под дурманом снадобий? Пока они не доберутся до Огры? Или дольше? А может, после того, как Ризек умер, можно рискнуть и позволить Айдже бродить по кораблю, не воздействуя более на его сознание? Кайра и Тека доверили это решение Акосу и его матери.

Оракул стояла рядом. Ее голова возвышалась всего на пару изитов над плечами сына. Волосы Сифы, спутавшиеся в колтуны, были распущены и разбросаны по плечам. После смерти Ризека она практически никуда не выходила и расхаживала босиком в глубине корабля, причитая о будущем себе под нос. Это тревожило Кайру и Теку, но Акос объяснил им, что для провидцев такое поведение в порядке вещей. По крайней мере для его матери. Иногда она остра, словно лезвие ножа, а иногда будто бы частично покидает собственное тело.

– Айджа – не тот, кем ты его помнишь, – заявил Акос.

Предостережение было лишним. Во-первых, мать уже и без того все поняла, а во-вторых, с большой вероятностью, она узнала нынешнего Айджу в видениях. И еще сотню других возможных вариантов.

Тем не менее она лишь промолвила:

– Я знаю.

Акос постучал в дверь костяшками пальцев, а затем отворил ее ключом, который дала Тека, и прошел внутрь.

Скрестив ноги, Айджа сидел на тоненьком матрасе, который бросили в угол его камеры. Рядом пылился поднос с недоеденным супом в миске.

Когда пожаловали гости, Айджа вскочил на ноги и вытянул вперед руки, готовый в любой момент сжать ладони в кулаки и дать отпор. Он выглядел изможденным, его трясло, а глазные яблоки покрылись красными прожилками.

– Что произошло? – спросил Айджа, избегая взгляда брата. – Что... я предчувствовал... Что произошло?

– Ризека убили, – ответил Акос. – Ты почувствовал это?

– Ты это сделал? – спросил Айджа с ухмылкой, полной презрения. – Не удивлюсь. Ты же убил Сузао. И Кальмева.

– А еще Васа, – добавил Акос. – Он же есть где-то в каше из твоих воспоминаний?

– Он был моим другом.

– Он был убийцей твоего отца.

Акос сплюнул на пол.

Айджа глянул на брата исподлобья, но промолчал.

– А меня? – спокойно спросила Сифа. – Меня ты помнишь, Айджа?

Он посмотрел на мать так, будто только ее заметил.

– Ты – Сифа. – Айджа нахмурился. – Ты – моя мать. Я не... здесь у меня пробел.

Он подошел к ней и спросил:

– Я тебя любил?

Акосу не приходилось ранее видеть боль в глазах Сифы, даже в детстве, когда они говорили матери, что ненавидят ее, ведь она запрещала гулять с друзьями и ругала за плохие оценки. Он понимал – сейчас ей было больно. Ведь Сифа не только оракул, но и просто человек. Все люди иногда испытывают душевную боль. Но Акос не готов был увидеть этот пронзительный поникший взгляд, хмурые брови и опустившиеся уголки губ.

«Я тебя любил?» Услышав эти слова, Акос окончательно осознал, что облажался. Ему не удалось спасти Айджу от шотетов и выполнить обещание, данное отцу перед его смертью. Этот парень не был Айджой, и последняя возможность вернуть брата ускользнула, ведь Ризек был мертв.

Айджи больше нет. Акос тяжело сглотнул.

– Это можешь знать только ты, – с горечью в голосе ответила Сифа. – А сейчас ты любишь меня?

Тело Айджи дернулось, и он сделал неуклюжий жест рукой.

– М... может быть.

– Может быть... – Мать кивнула. – Неплохо.

– Ты же знала, да? Что следующим предсказателем буду я? Знала, что меня выкрадут. И не предупредила. Не помогла мне подготовиться.

– На то были причины, – ответила Сифа. – Не думаю, что они тебя утешат.

– Утешат... – фыркнул Айджа. – Мне не нужны утешения.

Он говорил, как Ризек. Тувенец изъяснялся в шотетской манере.

– Нужны, – возразила Сифа. – Всем нужны.

Айджа снова приснул, но никак не прокомментировал слова матери.

– Ну давай, напои меня снова, – бросил он Акосу. – Это у тебя хорошо получается, верно? Ты – ядовитый эксперт. И «продажная девка» Кайры.

Пальцы Акоса сжались в кулаки, сминая ворот поношенной рубахи брата. Айджа завис в воздухе, едва задевая пол пальцами ног. Айджа не был легок, но благодаря ярости, вспыхнувшей в груди Акоса, он поднял брата, словно пушинку. И эта сила никак не была связана с Током. Акос вжал Айджу в переборку и прорычал:

– Заткни. Свою. Пасть.

– А ну прекратите оба!

Сифа опустила ладонь на плечо Акоса.

– Опустите его. Немедленно. Если не можешь держать себя в руках, тебе лучше уйти.

Акос разжал кулаки и отступил назад. В его ушах звенело.

Он не собирался делать этого. Айджа сполз на пол и зажал руками гудящую голову.

– Не думаю, что то, что Ризек Ноавек складировал воспоминания в твою черепную коробку, является причиной твоей жестокости по отношению к брату, – произнесла Сифа, обращаясь к Айдже. – Возможно, ты просто не понимаешь, как вести себя теперь. Но полагаю, научишься, и довольно быстро. В противном случае я, как твоя мать, наставница и «восседающий» оракул, сочиню для тебя очень изощренное наказание. Ты понял?

В течение нескольких тиков Айджа просто глядел на мать, затем вздернул подбородок, но потом слегка его опустил.

– Мы приземлимся через несколько дней, – продолжила Сифа. – Ты будешь заперт здесь до снижения. Мы позаботимся, чтобы ты был надежно пристегнут, как все остальные. После посадки ответственность за тебя я возьму на себя. Ты будешь беспрекословно мне повиноваться. Если нет – Акос снова опойт тебя. Ситуация и без того шаткая. Мы не можем рисковать и позволять тебе сеять смуту.

Сифа повернулась к Акосу.

– Как тебе такой план?

– Мне нравится, – сквозь зубы процедил Акос.

– Прекрасно.

Сифа выдавила не выражавшую никаких эмоций улыбку.

– Айджа, принести тебе что-нибудь почитать? Чтобы скоротать время?

– Давай. – Плечи Айджи слегка дернулись вверх.

– Хорошо, подыщу для тебя какую-нибудь книжицу.

Сифа направилась к Айдже, и мускулы Акоса напряглись – на случай, если матери понадобится помощь. Однако пока Сифа поднимала пустой поднос, Айджа не набросился на нее. А когда Акос с матерью покидали помещение, он даже не удостоил их прощальным взглядом.

Акос повернул ключ и дважды нажал на ручку, чтобы удостовериться, что дверь заперта. Он все не мог отдышаться. Это был тот самый Айджа, которого Акос видел еще у шотетов. Он прогуливался с Васом Кузаром, будто тот был его закадычным другом, а не заклятым врагом. Он удерживал Акоса, пока Вас заставлял Кайру пытаться его.

Глаза Акоса пылали. Он зажмурился.

– Ты видела его таким? В видениях?

– Да, – тихо ответила Сифа.

– Тебе помогло это знание?

– Все не настолько очевидно, как ты полагаешь. Я вижу так много путей... так много моделей поведения людей... Я постоянно удивляюсь, узнавая, какой из вариантов будущего воплотился. К примеру, я до сих пор не уверена, с каким именно Акосом я говорю. Ты тоже можешь быть разным.

Она затихла и вздохнула.

– Нет, – наконец нарушила молчание Сифа. – Это не помогло.

– Мне...

Акос тяжело сглотнул и раскрыл глаза. Его взгляд был устремлен не на мать, а на переборку напротив.

– Мне так жаль, что я не смог этому помешать... Я... Я подвел его.

– Акос...

Сифа положила ладонь на плечо сына. На тик он ощутил тепло и силу материнской руки.

Бывшая камера Ризека была так надраена – с трудом верилось в то, что здесь недавно произошло. Где-то в потаенных глубинах души Акос желал смерти и Айдже. Ему было бы проще избавиться от постоянного напоминания о провале, о том, что он не смог ничего сделать.

– Ты ничего не...

– Не надо... – Это вышло резче, чем Акос намеревался. – Его больше нет. И ничего не остается, кроме как нести этот крест.

Он развернулся и пошел прочь от матери, оба сына которой больше не были теми, кем она их помнила.

Дежурить на навигационной палубе решили посменно, чтобы не налететь на астероид, другой корабль или космический мусор. Первой назначили Сифу, так как Тека выбилась из сил, перепрограммируя корабль, а Кайра последние два часа оттирала кровь брата. Акос очистил пол камбуза и расстелил одеяло в углу, недалеко от аптечки.

Кайра присоединилась к нему. Ее лицо сияло чистотой, а волосы были убраны в косу, которую девушка перекинула через плечо. Кайра прижалась к Акосу. Первые минуты они лежали молча, просто дыша рядом. Акосу вспомнилось время их пребывания на побывочном корабле. Он всегда понимал, когда пробуждалась Кайра, по тому как она переставала ворочаться. Слышно было лишь ее дыхание.

– Я рада его смерти, – нарушила молчание Кайра.

Акос развернулся к ней, приподнимаясь на локте. Он заметил, что Кайра аккуратно побрила кожу вокруг дермоамальгамы. Акос уже привык к тому, что она мерцала с одной стороны, будто зеркало. Кайре она шла. Правда. Несмотря на то что Акоса приводило в ярость то, что привело к ее появлению.

Кайра теребила ремешки наручей, пока они не расслабились. Она стянула броню и отшвырнула ее. Прямо возле локтя Кайры виднелся новый порез с чертой поперек него. Акос аккуратно дотронулся до отметки кончиком пальца.

– Ты не убивала его.

– Я знаю. Но канцлер не станет помечать его смерть знаком. И... – она вздохнула, – думаю, мне бы воздалось на том свете, если бы я не отметила смерть Ризека. Игнорируя то, что он жил и погиб, я бы осквернила память о нем.

– Но ты бы не смогла этого сделать.

– Не смогла бы, – согласилась Кайра. – Но все же он мой брат. И его жизнь... имела место быть.

– Ты расстроена, что не успела наказать его?

– Вроде того.

– В общем, если мое мнение что-то для тебя значит, я не считаю, что тебе обязательно изображать скорбь. Мне лишь жаль, что ты лишилась радости из-за того, что берегла его для меня. И... все зря.

С тяжелым вздохом Акос плюхнулся на спину. Так или иначе, он бы облажался, просто другим способом.

Кайра положила руку на его грудь – прямо на сердце. Покрытое шрамами предплечье одновременно так много и так мало говорило о том, кем она являлась.

– А мне не жаль.

– Хорошо. – Акос накрыл руку Кайры своей. – А мне не жаль, что ты отметила потерю Ризека на своей руке. И не важно, что я ненавижу его.

Уголки губ Кайры дернулись кверху. Акос с удивлением обнаружил, что ей удалось, пусть и слегка, заглушить чувство вины в его сердце. Интересно,

действовал ли он на нее так же? Им обоим приходилось нелегко, но, может, они могли собрать друг друга по крупицам?

Акос решил, что это хорошее чувство. После потери Айджи Акосу ничего не оставалось, как ожидать своей судьбоносной участи. А его судьба была связана с Кайрой. Он погибнет, служа роду Ноавеков. И Кайра была последней из них. Она была его счастливой неизбежностью – яркой и неминуемой.

Акос импульсивно развернулся и поцеловал Кайру. Она подцепила ногтем одну из петель на его ремне и плотно прижала парня к себе. На этом моменте они остановились прошлый раз, когда их прервали. Но сейчас дверь была заперта, а Тека крепко спала в другом конце корабля.

Они остались наедине. Наконец-то.

Запах ее тела, травяного шампуня, которым она в последний раз мыла волосы, пота и сладковатого сендеса перебили химические и цветочные ароматы салона корабля. Акос провел кончиками пальцев по ее шее и изящному изгибу ключицы.

Кайра оттолкнула его на спину, а затем оседлала. На тик она надавила на бедра Акоса – чтобы вынуть из штанов край его рубашки. Ее руки были такими теплыми, что он едва мог дышать. Кожа Акоса была такой приятной на ощупь, на груди – крепкие мускулы. Кайра расстегивала пуговицы рубашки Акоса, постепенно продвигаясь к воротнику.

Акос уже думал об этом ранее – когда помогал Кайре раздеться перед душем в убежище заговорщиков, – каково это, раздевать друг друга, не потому что кто-то ранен и это необходимо ради спасения жизни. Он воображал нечто безумное, но Кайре хотелось насладиться каждым моментом. Она водила пальцами по груди Акоса, сухожилиям, выпирающим частям плеч и, пока расстегивала пуговицы манжет, – по внутренним сторонам запястий.

Когда Акос попробовал коснуться спины Кайры, она остановила его. Она не хотела спешить, по крайней мере так казалось. И Акос был рад дать ей то, чего она желала. Все-таки она была девушкой, которой нельзя дотрагиваться до людей. Внезапно Акос понял, что такое она могла проделывать лишь с ним. Это было не совсем волнение. Что-то помягче. Нежность.

Кайра была его единственной. И судьба подсказывала, что так оно и останется до конца его дней.

Она отстранилась и окинула его взглядом. Акос потянул за край ее рубашки.

– Можно?..

Кайра кивнула.

Акос тут же заробел и начал расстегивать пуговицы сверху вниз. Он слегка приподнялся и принялся покрывать поцелуями обнаженную кожу. Медленно – изит за изитом. Ее нежная кожа, которая кому-то могла показаться грубой, покрывала тренированные мышцы, кости и стальные нервы.

Акос перевернул Кайру на спину и склонился над ней на расстоянии достаточном, чтобы, не дотрагиваясь, наслаждаться теплом ее тела. Он стянул рукава блузки с плеч Кайры и дотронулся губами до ее живота. С блузкой Акос уже разделался. Теперь его нос касался внутренней стороны ее бедра. Акос посмотрел Кайре в глаза.

– Да?

– Да! – порывисто вырвалось из ее уст.

Он взялся за пояс брюк Кайры и продолжил обнажать ее тело изит за изитом, а его разомкнутые губы скользили по коже все ниже.

7

СИЗИ

Корабль Ассамблеи размерами смахивает на небольшую планету – широкий и круглый, как поплавок, только намного больше, что, откровенно говоря, выглядит устрашающе. Собранный из стекла и гладкого тусклого металла, он

загораживает иллюминатор маленького патрульного корабля, что подобрал нашу спасательную капсулу.

– Ты еще не видела его? – спрашивает Исэй.

– Только на снимках.

Его прозрачная стеклянная оболочка отражает розовый свет токоведения и пустоту. Кажется, будто, мигая красными габаритными огнями, корабль дышит. Он движется вокруг солнца медленно – словно стоит на месте.

– На изображениях он другой, – говорю я. – Гораздо менее впечатляющий.

– В детстве я провела на нем три сезона. – Исэй проводит согнутыми пальцами по стеклу. – Училась быть правильной. Им не нравился мой окомный акцент.

Я улыбаюсь.

– Он по-прежнему проявляется. Иногда. Когда ты не задумываешься. Мне он нравится.

– Тебе он нравится, потому что напоминает говор Гессы.

Исэй тычет кончиком пальца в ямочку на моей щеке, и я отмахиваюсь.

– Ну что ж, мы причаливаем, – объявляет она.

Капитан – коренастый мужчина низкого роста с каплями пота на лбу – направляет нос небольшого судна к гигантскому кораблю Ассамблеи, чтобы закрепиться у входа «Б». Я слышала, так сказал капитан.

Буква «Б» расположена над входом и покрыта светоотражающей краской. Под ней раздвигаются две металлические створки. Нашему взору открывается замкнутая кабина, ко входу в которую прикрепляется люк патрульного корабля. Это сопровождается шипением. Один из членов экипажа обеспечивает герметичное соединение нажатием на рычаг.

Пропуская Исэй вперед, мы все становимся перед люком и ждем, пока его откроют. Эта немногочисленная патрульная команда должна курсировать по средней полосе Солнечной системы и спасать тех, кто попадает в беду. Она состоит всего лишь из капитана, его помощника и еще двоих членов экипажа, которые находятся сейчас вместе с нами на борту и не слишком разговорчивы. Вероятно, они не в совершенстве владеют отирианским, их акцент напоминает мне трелльский.

Я выпрыгиваю из люка в ярко освещенный тоннель и стараюсь не отставать от Исэй. Стекланный корпус кристально чист. На тик мне показалось, будто я плыву в пустоте, но твердь под ногами развеяла мои фантазии.

Я стою сбоку от Исэй. Нас приветствует группа официальных лиц в скучной серой униформе. По их бокам расположены несмертельные тонкие стержни, призванные оглушать, но не убивать.

Это обнадеживает. Так и должно быть. Контроль без реальной угрозы.

Человек с рядом медалей на груди кланяется Исэй.

– Приветствую вас, канцлер, – здоровается он на отирианском. – Я – капитан Морел. Руководитель Ассамблеи предупредил о вашем визите. Ваша каюта подготовлена. И для... второй гостьи тоже.

Исэй разглаживает свитер, будто на нем образовались складки.

– Благодарю, капитан Морел. – Окоемского акцента Исэй как не бывало. – Позвольте представить Сизи Керезет – друга моей семьи и уроженку Туве.

– Рад знакомству, мисс Керезет, – обращается ко мне капитан Морел.

Я решила не тянуть и сразу же применить токодар. Так подсказал внутренний голос.

Реакция большинства людей на мой дар положительна – будто бы на их плечи опускается мягкий плед. И капитан Морел – не исключение. Прямо на моих глазах он расслабляется, а его улыбка смягчается и становится искренней.

Кажется, впервые за последние дни это подействовало и на Исэй. Ее взгляд уже не такой напряженный.

– Капитан Морел, – говорю я. – Благодарю вас за теплый прием.

– Позвольте проводить вас в каюты, – произносит капитан в ответ. – Спасибо, сэр, что доставили канцлера Бенезит в целости и сохранности, – добавляет он, обращаясь к капитану, который подобрал нашу капсулу.

Тот довольно фыркает и кивает мне с Исэй, а мы разворачиваемся и следуем за капитаном.

Сапоги капитана скрипят при ходьбе. Поворачивая, он слегка скользит на подошвах, словно его ступни крепятся к полу на шарнирах. Раз он служит здесь – значит родился в богатой семье (не важно, на какой именно планете), а вовсе не потому что имеет склонность и достаточно мужества, чтобы нести военную службу. Он создан для задач, что требуют знаний этикета, дипломатичности и демонстрации внешнего лоска.

Капитан провожает меня до дверей каюты, которая располагается по соседству с каютой Исэй, и я вздыхаю с облегчением. После того как дверь позади меня закрывается, я наконец сбрасываю кофту с плеч, и она летит к ногам.

Каюты предназначались именно для нас. Только этим можно было объяснить поле колышущейся ковыль-травы, украшающее дальнюю переборку. Кадры с Туве. Напротив стоит узкая кровать, покрытая толстым коричневым пледом, края которого подвернуты под матрас.

Я кладу руку на сенсорную панель у двери и прокручиваю иконки меню до тех пор, пока не нахожу то, что мне нужно – обои. Я пролистываю изображения и обнаруживаю Гессу под снежным покровом. На вершине холма светится красным купол храма. Я скольжу взглядом по выпуклым крышам домов к подножию холма, наблюдая за пропеллерами анемометров. Все строения запорошены снежной дымкой.

Порой я забываю, сколь прекрасен мой родной край.

В кадр попадает лишь краешек полей, что некогда возделывал мой отец. Где-то за ними находится расчищенный участок, на котором мы проводили «похороны» Айджи и Акоса. Идея была не моей. Это мама сложила поленья с горюч-камнями и, прочитав молитву, подожгла их. Я просто стояла рядом в кухлянке из меха кутьяха и маске, за которой не было видно слез. До того момента я не считала братьев погибшими, потерянными навсегда. Я решила, раз мать жжет погребальные костры, вероятно, ей известно об их смерти, ведь она – предсказательница. Но выяснилось, что она знала не намного больше моего.

Я падаю в постель и гляжу на снег.

Быть может, отправляться сюда с канцлером, чтобы оказывать на нее влияние, было не самым разумным решением? Может, стоило остаться с семьей? Я, дитя Гессы, не слишком-то смыслю в политике и правлении. Я так далека от данной сферы, что это просто смешно. Зато я знаю Туве. И ее народ.

И кто-то должен приглядывать за Исэй, чтобы она не погрязла целиком в океане скорби.

Экран в каюте Исэй выглядит как обычный иллюминатор с видом на космос. Звезды сверкают, рассеивая вспышки света, и мерцает пояс токотечения.

Я вспомнила, как упрекала Исэй, когда еще не знала ее близко. «Ты ничего не знаешь о моей планете и ее народе», – говорила я ей тогда.

Это случилось уже после того, как Исэй предстала перед публикой в должности канцлера. Они с Ори наведались в мое университетское общежитие, и канцлер была довольно груба со мной из-за того, что я так хорошо знала ее сестру. И по какой-то причине мой токодар позволил ответить грубостью на грубость: «Ты всего первый сезон на этой земле».

Ее взгляд сделался таким же растерянным, как и сейчас, когда я вошла в ее каюту, которая в два раза больше моей – но в этом нет ничего удивительного.

Исэй сидит на краю кровати в футболке и пижамных шортиках, облепляющих ее длинные худые ноги. Я еще не видела ее в столь непринужденном и, можно

сказать, уязвимом виде. Будто, увидев Исэй сразу после пробуждения, я узнаю ее ближе.

«Всю свою жизнь я любила эту планету с большим самозабвением, чем семью, друзей и даже саму себя, – ответила мне тогда Исэй. – Сезонами ты ходила по ее коже, в то время как я исследовала внутренности. Не смей говорить мне, что я не знаю ее».

Дело в том, что наружный панцирь Исэй столь толстый, что иногда я сомневаюсь, что под ним есть что-то еще.

Она – не Кайра Ноавек, терзания которой видны даже на расстоянии. И не Акос, чьи эмоции сверкают в глазах, словно застывшие капли драгоценного металла. Исэй бесстрашна.

– Мой друг, о котором я тебе рассказывала, скоро прибудет сюда. – Голос Исэй звучит твердо. – Он находился недалеко отсюда, когда я с ним связывалась.

Исэй успела немного покомандовать на навигационной палубе патрульного корабля, который нас забрал. Сказала, что ей необходимо связаться с давним другом, вместе с которым она росла. Его звали Аст. Исэй сказала, что ей нужна помощь кого-то, кто не связан с Ассамблеей, Туве или шотетами. Аст был «отродьем Окоема», как некоторые любили выражаться, рожденным на одном из обломков луны, за пределами токотечения.

– Очень рада, – отвечаю я.

Я посылаю Исэй одно из любимых ощущений, которое использую, чтобы ее успокоить, – воду. Это странно, поскольку о воде мне известно не много. Я ведь выросла на ледяной планете. Но под храмом Гессы находился горячий источник, помогавший оракулам усиливать видения. Матушка взяла меня с собой однажды, и я познала, каково ступать по воде. Там было темно, как в гробнице, но теплая вода окутывала меня мягкостью, словно шелк, – только была тяжелее. Вот этим тяжелым шелком я сейчас обвиваю Исэй и вижу, как спадает ее напряжение. Я спокойно изучаю ее. Сейчас это проще, чем было на тесном шотетском судне.

– Он – сын механика, работавшего на корабле, где я выросла.

Исэй трет глаза тыльной стороной ладони. Торговое судно постоянно перемещалось и нигде не задерживалось надолго – просто идеальное место для того, кто предпочитает скрываться.

– Он тоже был там во время нападения. Потерял отца. И нескольких друзей.

– Чем он сейчас занимается? Работает механиком?

– Да. Он как раз заканчивал работу на заправочной станции неподалеку. Как раз кстати.

Может, это мысль, что Исэй нужен кто-то еще, когда рядом есть я, может, обыкновенный укол ревности, но мне уже не нравится этот Аст. И я не знаю, каким он будет со мной.

Мысли об Асте словно призывают к нему, так как в дверь кто-то звонит. Исэй открывает. За дверью стоит ассамблейский тип и окидывает взглядом обнаженные ноги канцлера. Из-за его спины выглядывает широкоплечий мужчина с двумя холщовыми сумками в руках. Он кладет ребро ладони на плечо человека из Ассамблеи, и нечто, напоминающее жужжащего жука, вылетает из его рукава.

– Пажа! – восклицает Исэй, когда жук приземляется на ее вытянутую ладонь.

Это не настоящий жук. Он металлический и непрерывно издает щелкающие звуки. Это робот-поводырь для слабовидящих.

Аст поворачивает голову в сторону звука и следует за ним, бросая сумки прямо за порог. Исэй обвила шею гостя рукой, на костяшки пальцев которой взгромоздился робот-жук.

Токодар Исэй работает с воспоминаниями. Она не может их отнимать, как это делал Ризек, но она умеет заглядывать в память. Иногда Исэй видит воспоминания, даже если не хочет. И я понимаю, что происходит, когда она утыкается носом в плечо Аста и вдыхает его запах. Как-то Исэй сказала мне, что память тесно связана с запахами, что они имеют для нее особенное значение, так как оборачивают бурный поток воспоминаний в тонкую струйку и делают их

управляемыми.

Я обращаю внимание на глаза Аста, только когда он моргает. Его радужки имеют бледный зеленоватый оттенок, а зрачки обрамлены белизной.

Механические имплантаты. Они могут лишь переключаться на разные направления.

Я предполагаю, глазами Аст видит мало. Достаточно для жизни, но они – лишь вспомогательные гаджеты, как и жук, которого Исэй назвала Пажой.

– Какая восхитительная современная техника! – говорит Исэй.

– Да, на Отире они сейчас популярны, – протяжно, по-окоемски, пропевает Аст. – Все, кому вырезают глаза кухонными ножами, замещают их новейшими технологиями.

– Твой вечный сарказм. От них и правда есть толк?

– Небольшой есть. Зависит от освещенности, – пожимает плечами Аст. – А здесь она вроде неплоха.

Щелчком Аст поднимает Пажу с кулака Исэй и направляет в глубь комнаты. Жук летает по всей каюте, жужжа по углам.

– Просторно. Пахнет чистотой. Удивлен, что на вас нет короны, канцлер.

– Не сочетается с моим прикидом. Ну-ка, познакомься с моей подругой Сизи.

Жук направляется в мою сторону и нарезает круги над моей головой, вокруг плеч, живота и ног.

По треску я пытаюсь понять, каким образом жук передает мои размеры и форму Асту, но мой слух к такому не приучен.

На нем так много слоев одежды, что я не могу понять, где что. Капюшон – на куртке или на толстовке под ней? Сколько на нем футболок? Две или три?

На бедре, где полагается крепить нож, у него болтается отвертка.

– Аст, – представляется он мне, фыркнув.

Мужчина протягивает мне руку в ожидании, что я подойду и пожму ее. Я так и делаю.

– Сизи.

У Аста теплая кожа и хорошее рукопожатие – не слишком сильное. Инстинктивно я подбираю для него волны тепла, подходящие на рябь в воздухе.

Большинство моих «материй» срabатывает с людьми, которые хотя бы на толику пребывают в суматошном состоянии. Больше всего я люблю использовать те, что люди не ощущают. Но, судя по слегка сдвинутым бровям Аста, он понимает, что с ним что-то происходит.

– Эй! Это еще что?

– Прошу прощения. Мой токодaр плохо поддается контролю.

Я всегда прибегаю к этой лжи. Так люди менее настораживаются.

– Сизи – дочь оракула Туве, – говорит Исэй.

– «Восседающего» оракула, – машинально поправляю я подругу.

– Они бывают разными? – удивляется Аст. – Не знал. У нас в Окоеме нет оракулов. И судьбоносной знати – тоже.

– Судьбоносные на Туве не считаются знатью, – возражаю я. – Простые неудачники.

– Неудачники? – поднимает брови Аст. – Видно, тебя не устраивает твоя судьба?

– Нет, не устраивает, – тихо отвечаю я.

Аст тербит нижнюю губу. На одном из его ногтей красуется такой синячина, что мне кажется, будто он покрашен.

– Извиняюсь. Не хотел задевать за больное.

– Все в порядке.

Я лгу, и, похоже, Аст тоже об этом знает, но не давит на меня.

Исэй поднимает с пола платье, натягивает его через голову и застегивает юбку спереди, оставляя без внимания около дюжины пуговиц нательной рубахи.

– Должно быть, ты догадался, что я позвала тебя сюда не для того, чтобы ты притащил мое старое барахло.

Исэй складывает руки на груди. Теперь она говорит властным тоном и встает в позу канцлера. Судя по всему, Аст замечает эту перемену. Он практически взволнован, а его глаза дергаются из стороны в сторону.

– Я хочу попросить тебя о помощи. Это надолго. Не знаю, чем ты занимаешься и чем тебе придется пожертвовать. Но тех, кому я могу довериться, осталось совсем мало. Возможно, все эти люди находятся в этой каюте, и...

Аст останавливает ее движением руки.

– Брось. Конечно же, я останусь. На столько, на сколько тебе понадобится.

– Ты говоришь серьезно?

Аст вытягивает вперед руку и, когда Исэй берет ее, хватает канцлера за большой палец, как солдат. Аст подносит их соединенные руки к сердцу, будто намеревается присягнуть. Но ходят слухи, что «отродья окоема» скрепляют

клятвы исключительно плевками.

– Сожалею о твоей сестре. Знаю, я виделся с ней всего раз, но она мне понравилась.

Это звучит по-своему мило. Прямо и честно. Я понимаю, за что Исэй полюбила Аста. Я пробую на нем другое ощущение – объятия. Крепкие и подбадривающие.

– Ну это, откровенно говоря, смущает меня, Сизи, – возмущается Аст. – Нельзя никак его «выключить»?

– Только с помощью токодара моего брата. Другого способа я пока не находила.

Никогда ранее я не встречала человека, настолько тонко ощущающего мой токодар. Я бы спросила, каким даром наделен он сам, если бы это не звучало слишком невежливо.

– Не будь таким раздражительным, Аст, – вставляет Исэй. – Сизи много помогала мне.

– Хорошо, хорошо.

Аст посылает мне легкую улыбку.

– Мнение Исэй многое говорит мне о человеке.

– Как и мне, – отвечаю я. – Я слышала столько историй о корабле, на котором вы росли!

– Вероятно, Исэй рассказывала тебе, как он вонял?

– Было такое, – отвечаю я. – Но также она говорила, что в нем было свое очарование.

Исэй тянется к моей руке, и ее пальцы проскальзывают между моими.

– Теперь нас трое против целой галактики, – произносит она. – Надеюсь, вы готовы.

– Не стоит так преувеличивать, – бросает Аст.

Исэй поджимает губы, сжимает мою руку и тихо добавляет:

– Я не преувеличиваю.

8

СИЗИ

Время от времени меня поражает, что большинство людей не способны находить друзей всюду, куда бы они ни отправились. Я могу. Штаб-квартира Ассамблеи устроена точно так же, как и все остальное, – люди хотят быть услышанными, даже если говорят скучные вещи. Меня поражает, почему они занимаются этим большую часть времени. Хотя иногда я получаю от них полезную информацию. Женщина стоит за мной в очереди в столовой, накладывает на тарелку синтетическую яичницу с каким-то зеленым соусом и рассказывает, что на втором уровне находится оранжерея, в которой собраны растения со всей Солнечной системы, с отдельными палисадниками для каждой планеты. Я поглощаю миску запаренных зерен и скорее направляюсь туда. Как же давно я не видела зелени!

Я оказываюсь у входа в палисадник Туве. Углы окон покрыты инеем. Я не могу войти без защитного снаряжения, поэтому склоняюсь к растущим у двери пучкам цветов ревности.

Они желтые и каплевидные. Если дотронуться до цветка в определенную фазу роста, он выплюнет облачко сверкающей пыльцы. Судя по раздутым «животикам», они уже готовы взорваться.

– Знаете, как бы мы ни старались, но тихоцветы здесь не растут, – произносит голос позади меня.

Это пожилой мужчина с морщинистой сеточкой вокруг глаз и губ и залысиной, которая сверкает на его макушке. На нем широкие брюки тусклого серого цвета, как и у всех работников Ассамблеи, и тонкий серый свитер. Кожа мужчины тоже бледная и практически серая, будто его сдуло с бедного Золда. Если я сосредоточусь, я скорее всего пойму, откуда он родом, по глазам цвета лаванды. На мой взгляд, это единственная примечательная черта его внешности.

– Правда? – Я выпрямляюсь. – И что же происходит, когда вы пытаетесь? Они умирают?

– Они просто не цветут. Словно знают, что вдали от дома, и хранят красоту для Туве.

Я расплываюсь в улыбке.

– Какой романтичный вывод.

– Слишком романтичный для такого старикана, как я. Понимаю. – В его глазах вспыхивают маленькие искорки. – Вы с Туве. Вы с такой любовью смотрите на эти растения!

– Верно. Я – Сизи Керезет.

Я протягиваю старику руку. Его ладонь иссохшая, будто старая кость.

– Мне не позволено называть вас свое имя, поскольку оно очевидно намекает на мое происхождение. Но я – руководитель Ассамблеи, мисс Керезет, и рад нашему знакомству.

Моя ладонь обмякла в его руке. Руководитель Ассамблеи? Я не привыкла думать о нем как о реальном человеке с хриплым голосом и кривой ухмылкой. Руководитель избирается из списка кандидатов представителями со всех планет. После выборов его лишают имени и гражданства, чтобы избежать предвзятого отношения. Он служит во благо всей звездной системе. По крайней

мере так говорят.

– Извините, что сразу вас не признала.

Почему-то я уверена, что он не станет возражать против слабого проявления моего токодара – дуновения теплого бриза. Руководитель улыбается мне, и я понимаю, что труды не были напрасными, так как впечатление улыбчивого от природы человека он не производит.

– Я не обижаюсь, – отвечает мужчина. – Значит, ты – дочь предсказательницы.

Я киваю.

– Так точно. Тувенского оракула.

– И сестра оракула. Если Айджа Керезет по-прежнему жив, – добавляет старик. – Да, я запомнил имена всех предсказателей. Хоть и, признаюсь, не обошелся без кое-каких техник заучивания. Это довольно длинные мнемонические коды. Я бы поделился ими с вами, если бы они не содержали парочку пошлостей, которыми я их слегка оживил.

Я смеюсь.

– Ты прибыла сюда с Исэй Бенезит? Капитан Морел сказал, что в этот раз канцлер пожаловала с двумя друзьями.

– Да. Я была близка с ее сестрой Ори... Ориевой.

Сомкнув губы, руководитель грустно вздыхает.

– Глубоко сожалею о вашей потере.

– Благодарю.

Сейчас мне удастся скрыть скорбь. Эти эмоции доставят ему неловкость, поэтому благодаря токодару я их не выдам, даже если захочу.

– Должно быть, вы очень рассержены. Шотеты отняли у вас отца, братьев, а теперь и друга.

Странно рассуждать о таких вещах. Они слишком сложны.

– Не шотеты сделали это, – отвечаю я. – А Ризек Ноавек.

– Это так. – Мужчина снова фокусируется на замерзших окнах. – Но меня не покидает мысль, что народ, позволяющий управлять собой такому тирану, как Ризек Ноавек, заслуживает того, чтобы поплатиться за деяния своего лидера.

Я хочу выразить несогласие. Бесспорно, я имею право винить сторонников Ризека. Но как же заговорщики, диссиденты, больные и нищие, отчаявшиеся люди, живущие по соседству с так называемыми безопасными жилищами? Они – такие же жертвы Ризека, как и я. Не уверена, что после визита в страну шотетов я когда-либо смогу думать о них, как о чем-то едином. Они слишком различны, чтобы стричь их под одну гребенку. Это все равно что утверждать, будто фермер из Гессы и врач-белоручка из Шиссы одинаковы.

Я хочу возразить, но не могу. Я проглотила язык, и он застрял в моем горле благодаря дурацкому токодари. Так что я просто гляжу на руководителя Ассамблеи и жду, пока он снова заговорит.

– У меня назначена встреча с мисс Бенезит на сегодня, – наконец произносит старик. – Надеюсь, вы тоже будете присутствовать. Порой она колючая. Уверен, ваше присутствие ее умиротворит.

– Это – одна из черт, которые я в ней ценю, – отвечаю я. – Ее колючесть.

– Полагаю, это интересное дружеское качество, – улыбается руководитель. – Но в политическом контексте оно часто является преградой на пути к развитию.

Инстинкты подсказывают мне, что нужно слегка отступить.

– Наверное, все зависит от того, что вы подразумеваете под «развитием», – продолжаю я легко и непринужденно.

– Надеюсь, к концу дня мы дадим одно определение этому понятию. Что же, оставляю вас любоваться растениями, мисс Керезет. Не обделите вниманием палисадник Тепессара. Внутри слишком жарко, но, уверяю вас, вы нигде еще не встречали эти виды.

Я киваю, и он удаляется.

Вспоминаю, где я уже видела эти глаза: на фотографиях интеллектуальной элиты Колланда. Они принимают определенные препараты, позволяющие бодрствовать дольше и не ощущать усталости. От длительного применения радужки людей со светлыми глазами приобретают фиолетовый оттенок. То, что руководитель Ассамблеи родом с Колланда, мало о чем говорит мне. Я никогда там не была, знаю только, что планета богата и там не проявляют особого интереса к оракулам.

Но эти глаза... Он из тех, кто ставит прогресс превыше личной безопасности и тщеславия. Он умен и сосредоточен. Вероятно, считает себя умнее остальных.

Теперь я понимаю, что имела в виду Исэй, объявляя, что она, Аст и я теперь против всей галактики. Мы противостоям не только шотетам, но и Ассамблее.

Аст, Исэй и я сидим за гладким стеклянным столом, а напротив восседает руководитель Ассамблеи. Стол настолько прозрачный, что кажется, будто стакан воды и кувшин, стоящие под рукой руководителя, парят в воздухе. Усаживаясь, я врезалась коленками в его край, поскольку не видела, где он заканчивается. Если это было способом обезвредить меня, то план сработал.

– Предлагаю сперва обсудить то, что произошло на шотетской земле, – начинает руководитель и наполняет стакан водой.

Мы находимся во внешнем кольце корабля Ассамблеи, который представляет собой концентрические круги. Внешняя оболочка целиком состоит из стекла, которое затемняется, когда корабль обращается к солнцу – чтобы защитить глаза людей от катаракты. Сейчас корпус по левую сторону от меня темный и в помещении жарко, потому у воротника образуются капельки пота. Аст то и дело берет за перед рубашки и оттягивает его подальше от тела, чтобы не прилипал.

– На мой взгляд, отснятого видеоматериала более чем достаточно, – резко отрезала Исэй.

Она одета как канцлер: в тяжелое тувенское платье с длинными рукавами и пуговицами по самое горло. Ботинки настолько тугие, что она не могла не морщиться, пока их застегивала. Заколотые на затылке волосы блестят, словно тщательно залакированные. Платье предназначено для тувенского климата и никак не для... здешнего. Но если Исэй и жарко, она это тщательно скрывает. Наверное, для этого она и нанесла толстенный слой пудры перед выходом.

– Я понимаю ваше нежелание обсуждать это, – отвечает руководитель Ассамблеи. – Может быть, мисс Керезет соизволит все рассказать нам вкратце? Она ведь тоже присутствовала там, верно?

Исэй кидает на меня взгляд. Я складываю руки на колени и улыбаюсь, вспоминая, что руководитель предпочитает «материю» теплого бриза. Мне самой следует быть с ним такой – теплой и легкой, несмотря на ручьи пота. Я направляю ветерок, который практически щекочет его кожу.

– Конечно, – отвечаю я. – Кайра Ноавек бросила вызов брату Ризеку. Вызвала его на дуэль. А он согласился. Но перед тем, как они принялись драться, показался мой брат Айджа... – Я задыхаюсь. Не могу рассказывать дальше. – Прошу прощения. Мне сложно договориться с токодаром.

– Она не всегда может говорить то, что хочет, – поясняет Исэй. – В общем, Айджа приставляет нож к горлу моей сестры. И убивает ее. Конец.

– А что происходит с Ризеком?

– Его тоже убивают, – отвечает Исэй.

На тик мне кажется, что она собирается поведать о том, что сделала на корабле. Как прошла на склад с ножом, выпытывала признание из Ризека, а затем поразила его лезвием, словно змеиным жалом. Но канцлер говорит другое:

– Его собственная сестра. Она потащила тело с собой на корабль. Могу предположить, чтобы его не осквернила разъяренная толпа.

– И его тело сейчас?..

– Полагаю, болтается где-то в космосе. Шотеты ведь предпочитают такой способ захоронения, разве нет?

– Я не знаком с шотетскими обычаями, – руководитель Ассамблеи откидывается на спинку кресла. – Хорошо. Все, как я и полагал. Судя по реакции остальной части галактики... Да, после известия о смерти вашей сестры я отвечал на письма других лидеров и официальных лиц. Так вот, они рассматривают данное убийство как акт агрессии и желают знать, что мы намерены предпринять.

Из уст Исэй вырывается смех. Точно так же она смеялась перед тем, как проткнуть Ризека.

– Мы? Два сезона назад, после убийства нашего «нисходящего» оракула, я молила Ассамблею о помощи в объявлении войны шотетам. И мне ответили, что «гражданские разногласия», как вы их определили, между шотетами и тувенцами – проблема внутрипланетная. Что я должна бороться с ней на внутреннем уровне. А сейчас вы спрашиваете, что мы намерены предпринять? Нет никаких нас, дорогой руководитель Ассамблеи.

Мужчина смотрит на меня, выгибая брови. Если он ожидает, что я (как он там говорил?) умиротворю Исэй, его ждет разочарование. У меня не всегда выходит контролировать токодара, но я и не хочу делать что-то только потому, что так велит руководитель. У меня нет уверенности, что успокоение сыграет Исэй на руку.

– Два сезона назад Ризек Ноавек не убивал сестру канцлера, – отвечает руководитель ровным и спокойным тоном. – А на шотетской земле не назревал тотальный переворот. Ситуация изменилась.

Светонепроницаемая оболочка по левую сторону кабинета становится все прозрачнее, постепенно превращаясь из оболочки корпуса в обзорный иллюминатор.

– Известно ли вам, как долго они нас терроризировали? – возмущается Исэй. – Это началось еще до моего рождения. И длится более двадцати сезонов.

– Мне известна история конфликта между тувенцами и шотетами.

– О чем же тогда вы думали? Думали, мы – кучка тупоголовых фермеров, растящих ледоцветы? Кому есть дело до того, кто нападает на них, если это не представляет угрозы? – Из груди Исэй вырывается смехок. – Гесса страдает от партизанской войны. Это вы зовете гражданскими разногласиями? Мое лицо исполосовано шрамами, мои родители убиты. А никто и пальцем не пошевелит. Лишь выражают соболезнования. Один из моих провидцев мертв, а другой похищен. Я вынуждена разгребать это в одиночку. Так почему же сейчас вы с таким рвением стремитесь помочь мне? Что вас всех так напугало?

Веко Исэй слегка подергивается.

– Вы должны понять, что для остальной галактики шотеты были не более чем маленькой занозой. До тех пор, пока к власти не пришли Ноавеки. Когда вы обратились к нам два сезона назад, рассказывая об опасных воинах, мы представляли жалких шалопаев, однажды взявших за правило ежесезонно являться на порог одной из планет и умолять позволить им порыться в ее мусоре.

– Более двух сезонов они грабили больницы и заправочные станции во время своих Побывок, – ответила Исэй. – И до сих пор это не привлекало внимания властей на других планетах?

– Не совсем так. Но мы получили информацию из достоверного источника о том, что Лазмет Ноавек на самом деле жив и вскоре объявится, чтобы вернуть себе место у руля. Вы недостаточно долго жили, чтобы по-настоящему осознать смысл этих слов. Ризек на удивление напоминал отца. От матери он унаследовал страсть к дипломатии. Даже ее талант в этом деле. Шотеты стали опасными под предводительством Лазмета. Очевидно, он по-прежнему правил ими – из «могилы». Потому Ризек охотился на оракулов. Ну и на вашу сестру.

– То есть вы все его боитесь? Одного человека?

Аст нахмурился.

– Что такого он умеет? Пускать огонь из пятой точки?

– Лазмет управляет людьми. В буквальном смысле. С помощью токодара, – отвечает руководитель Ассамблеи. – Его способности вкупе с военной мощью шотетов не стоит недооценивать. Нам лучше рассматривать шотетов как заразу – паразитов, пригодных для чего-то полезного и значимого, например разведения ледоцветов.

Глаза руководителя сверкнули. Может, воображение у меня и не очень, но я знаю, как говорить с подтекстом. Он хочет истребить шотетов. Раньше они были шантрапой, слонялись по галактике на громоздких устаревших звездолетах – голодные, больные и жалкие. Он хочет, чтобы все вернулось на круги своя. Он хочет больше ледоцветов, больше ценной тувенской земли.

Все для себя и ничего для них. И это при помощи Исэй.

Матушка говорила, что раньше вся галактика насмеялась над шотетами. Их называли «вонючими мусорщиками» и «мясными червями». Они кружили по Солнечной системе, пытаясь ухватить собственный хвост. Часто их речь даже не была похожа на человеческую. Я знала все это. Слышала и даже что-то рассказывала сама.

Но сейчас руководитель Ассамблеи над шотетами не смеется.

– Тогда скажите, будьте так добры, – говорит Исэй, – какие дисциплинарные меры вы планируете предпринять в отношении Питы? Не так давно руководство планеты сообщило, что подумывай о заключении торгового соглашения с шотетами.

– Не прикидывайтесь дурочкой, канцлер, – отвечает руководитель Ассамблеи. Но не зло, а скорее утомленно. – Вы знаете, что мы не можем действовать против Питы. Галактика не проживет без ее материалов.

Никогда раньше я не придавала Пите большого значения. Я и политикой-то никогда не интересовалась, до тех пор пока не сошлась с сестрами Бенезит после смерти отца. Но руководитель Ассамблеи прав. С помощью прочных материалов с Питы создается практически вся полезная техника в галактике, включая корабли. Особенно мы, на Туве, с нашим ледяным ветром, полагаемся только на теплоизоляционное стекло с Питы, которое вставляем в окна. Из-за конфликта с ними мы потеряем больше, чем вся Ассамблея Девяти Планет.

– Пита отказалась сотрудничать с шотетами, и этого достаточно. Что касается остальных планет – они уверены, что руководство военными действиями должна взять на себя Туве, учитывая, что это внутрипланетная проблема. Тем не менее они открыты для обсуждения помощи и поддержки.

– Другими словами, – встревает Аст, – вы подкидываете ей денег, а ее задача – отгородить всех вас от шотетов стеной из человеческой плоти.

– Бог мой... Вы обожаете эффектно выражаться, не так ли? Господин... – руководитель Ассамблеи склоняет голову набок. – Как ваша фамилия?

– Я не нуждаюсь в подобных почестях. Зовите меня либо Астом, либо никак.

– Аст. – Голос руководителя Ассамблеи делается мягким, словно он обращается к ребенку. – Деньги – не единственная форма содействия, которую готова предложить Ассамблея. И когда вам угрожает война, мисс Бенезит, неразумно отказываться от нашей помощи.

– Что, если я не хочу сражаться? – говорит Исэй, откинувшись на спинку стула. – Что, если я хочу установить мир?

– Это, безусловно, ваша прерогатива, – отвечает руководитель. – Однако тогда я буду вынужден провести расследование, которого я надеялся избежать.

– Расследование чего? – мрачнеет Исэй.

– Свериться с тепловыми снимками амфитеатра в Воа, сделанными во время предполагаемой смерти Ризека, не составляет труда. И если это сделать, прекрасно видно, что когда команда поднималась на судно, Ризек был жив, – произносит руководитель Ассамблеи. – То есть раз его тело бороздит просторы космоса, как вы сказали, убийство совершил кто-то другой. Не Кайра Ноавек.

– Любопытная теория, – отвечает Исэй.

– И мне непонятно, мисс Бенезит, для чего вам было лгать мне, утверждая, что преступление было совершено на арене руками Кайры Ноавек. Только если выгородить себя... И если вы попадете под подозрение в убийстве, в

особенности преднамеренном убийстве самопровозглашенного владыки, вас отстранят от должности правителя Туве до тех пор, пока вы не будете оправданы.

– Не совсем понял, – рассердился Аст. – Вы угрожаете связать Исэй бюрократическими путами, если она не станет вам подчиняться?

Это вызывает лишь улыбку на лице руководителя Ассамблеи.

– Если пожелаете, чтобы я прочитал письмо с объявлением войны шотетам, прежде чем вы его отправите, буду рад помочь. А теперь я вынужден вас покинуть. Мисс Бенезит, мисс Керезет... Аст, желаю вам хорошего дня.

Руководитель кивает три раза – каждому из нас – и уходит. Я бросаю взгляд на Исэй.

– Он правда сделал бы это? Обвинил тебя в убийстве?

– Даже не сомневаюсь, – сжимает губы Исэй. – Пойдемте.

9

КАЙРА

– Кайра? – Тека загадочно посмотрела на меня, выглядывая из тесного гальяона, когда я заступила на смену. На мне было только нижнее белье и вчерашний свитер. Я избегала ее взгляда, пока рылась на складе в поисках завалявшейся униформы механика.

У нас у всех заканчивались запасы одежды, и мы надеялись, что на Огре нам с этим помогут.

Тека прочистила горло. Она прислонилась к переборке, сложив руки на груди. Черная повязка прикрывала отсутствующий глаз.

– Мне не нужно переживать, что однажды на свет появится отродье Керезет-Ноавек? – Тека зевнула. – Мне бы совершенно этого не хотелось.

– Нет, – фыркнула я. – Как будто я стала бы так рисковать.

– Да?.. – Она слегка нахмурила брови. – А о контрацепции тебе известно?

Я покачала головой.

– Нет никаких гарантий.

Насмешливое выражение, с которым Тека всегда на меня смотрела, покинуло ее лицо, и она сделалась серьезной.

– Мой токодар, – принялась объяснять я, поднимая руку и демонстрируя обвивавшие костяшки тени, жалящие мою кожу, – это орудие пытки. Думаешь, я бы хотела подвергать ей кого-то, растущего во мне? Даже при условии, что риск минимален. – Я покачала головой. – Нет.

Тека кивнула:

– Весьма сознательно с твоей стороны.

И я добавила:

– Ты знаешь... ведь заниматься с мужчиной можно не лишь конкретно этим.

Тека со стоном закрыла лицо ладонями.

– Я не хотела знать столь интимную информацию! – вполголоса протянула она.

– А ты не задавай наводящих вопросов, умница.

Я нашла комбинезон механика под стопкой полотенец и приложила его к себе. Штанины были длинноваты, так что их нужно было подвернуть. Я снова нырнула

в кучу в поисках того, что можно было надеть под него.

– Сколько нам еще лететь до Огры? Ведь ты знаешь, скоро запасы еды иссякнут.

– Еды и туалетной бумаги. Обратная вода тоже начинает подванивать, – согласилась Тека. – Думаю, мы справимся, если не будем часто перекусывать. Осталось несколько дней.

– Этот корабль отлично оборудован.

Я нашла подштанники чересчур большого размера в углу одной из полок. По моей спине пробежал холодок, и я согнулась, прижимая клубок одежды к груди.

– Ты сама все это сделала?

– С помощью Йорека, – ответила Тека.

Ее взгляд слегка поник.

– Я не знаю, где он сейчас. Он обещал отправить послание из Воа, когда убедится, что его мать в порядке.

Йорека я знала плохо. Только то, что он был мягкосердечнее, чем его покойный отец. И, судя по всему, он – заговорщик. Так что Теку я успокаивать не стала. Мои слова были бы пусты.

– Мы много чего узнаем, когда доберемся до Огры, – сказала я. – И о Йореке в том числе.

– Должно быть, – пожала плечами Тека. – Отправляйся-ка ты на навигационную палубу, Ноавек. Перерыв окончен.

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Большую часть времени я дрыхла в камбузе по соседству с раковиной. Или сидела в кресле второго пилота, пока дежурил Акос. Казалось, что задача окружавшей нас действительности заключалась в том, чтобы свести нас с ума. Интересного в ней было мало. Пространство было темным, без единой звездочки, планеты или

плывущего корабля – абсолютно однородным. Мне приходилось часто сверяться с навигатором, чтобы убедиться, что мы не стоим на месте. Если я не спала и не дежурила в капитанском кресле, то в основном проводила время с Текой, старающейся отвлечь меня от моего токодара.

Она показала мне игру, в которую она привыкла играть с разноцветными камешками. Мы же позаимствовали горсть бобов в камбузе и нарисовали на них пятнышки, чтобы различать. Мы часто спорили, какие из них были какими. Зато я пришла к выводу, что перебранки с Текой указывали на зародившуюся между нами дружбу, поэтому не возражала против них, если только кто-то из нас не перегибал палку. Иногда перед сном к нам присоединялся Акос. Он жался ближе ко мне и зарывал нос в моих волосах, когда считал, что Тека этого не видит. Но ничто никогда не ускользало от ее зоркого взгляда.

Когда выпадал случай, ночи я проводила в обнимку с Акосом, находя на его теле новые места для поцелуев. Наши первые попытки близости были полны неуклюжести, смеха и нелепости. Я узнавала, каково касаться другого человека, особенно его. И сразу разобраться, что к чему, было непросто. Но мы оба были счастливы практиковаться. Акоса не покидали ночные кошмары, но он никогда не просыпался от крика, только, бывало, вскакивал с каплями пота на лбу. Несмотря на это и на мои нескончаемые сожаления о брате, который превратился в монстра, мы находили счастье друг в друге, основанное по большей части на отрицании всего вокруг. Но это работало.

Да, это работало. Пока на горизонте не замаячила Огра.

– Зачем? – удивлялась Тека, глядя на черную дыру, являвшуюся планетой, к которой мы приближались. – Зачем кому-то понадобилось здесь поселиться?

Акос рассмеялся.

– То же самое можно сказать и о Туве.

– Не называй ее так после того, как мы приземлимся, – сказала я, приподнимая бровь. – Это «Урек», или «пустота».

– Понял.

Урек значило «пустая», но это звучало почтительно и ни в коем случае не оскорбительно.

Для нас пустота означает возможности и свободу.

Вначале Огра выглядела как небольшая темная пустота посреди звезд, а затем превратилась в дыру, словно прожженную угольком на ткани. А теперь она мрачно нависала над навигационной палубой, поглощая любой проблеск света. Мне стало интересно, каким образом первые поселенцы поняли, что это планета. Она больше напоминала пропасть.

– Я полагаю, нас ждет посадка не из легких, – сказал Акос.

– Да, – рассмеялась Тека. – Так оно и есть. Единственный способ пробраться сквозь атмосферу и не разлететься на части – это полностью отключить питание и приземляться в свободном падении. А затем мне придется снова завести корабль, чтобы нас не размазало при ударе. – Тека с хлопком соединила ладони вместе. – Так что всем необходимо пристегнуться и прочитать молитвы. Или что вам там приносит удачу...

Акос выглядел бледнее обычного. Мне стало смешно.

Сифа встала позади нас, прижимая к животу книгу. На корабле книг было мало. Какая здесь от них польза? Но те, что предсказательнице удавалось разыскать, она по одной относила Айдже вместе с едой. Акос о брате не спрашивал. Как и я. Я была уверена, что состояние Айджи не изменилось и все худшее, что было в Ризеке, по-прежнему живет в нем. Уточнять мне не хотелось.

– Удача, – начала Сифа, – всего лишь иллюзия, заставляющая людей поверить в то, что они могут повлиять на свою судьбу.

Тека вроде бы задумалась, но Акос только закатил глаза.

– Или просто под этим словом мы и подразумеваем судьбу, – парировала я.

Мне единственной из всех хотелось поспорить с Сифой. Тека была чрезмерно почтительна, а Акос – слишком неучтив.

– Вы забыли, как смотреть на будущее под другим углом, – продолжила я.

Сифа ухмыльнулась. Она часто это делала, глядя на меня.

– Возможно, ты и права.

– Всем пристегнуться! – скомандовала Тека. – Оракул, а вы мне пригодитесь в кресле второго пилота. Вы больше всех разбираетесь в полетах.

– Эй? – недоуменно воскликнула я.

– На Огре токодары ведут себя непредсказуемо, – объяснила мне Тека. – И мы не знаем, что будет с твоим. Так что иди-ка ты назад. И приглядывай за парнями Кerezетами.

Сифа уже привела Айджу. Он сидел пристегнутый и пялился под ноги. Я вздохнула и направилась на основную палубу. Мы с Акосом уселись напротив Айджи. Я застегнула плечевые и коленные ремни, а Акос все еще возился со своими. Я не стала помогать ему. Он знает, как это делается, просто ему необходима практика.

Тека и Сифа готовились к посадке, тыкая на кнопки и щелкая переключателями. Казалось, для Теки это было обыденным делом. По крайней мере выглядело это обнадеживающе. Не хотелось бы совершать свободное падение сквозь враждебно настроенную атмосферу с паникующим капитаном.

– Поехали! – прокричала Тека.

После этого единственного предупреждения все лампы корабля погасли. Стук и рычание двигателя затихли. В иллюминаторе навигационной палубы отразилась мрачная атмосфера, словно стена питайского ливня, и несколько долгих мгновений я не видела ничего и ничего не ощущала. Хотелось кричать.

Мы попали в гравитационное поле Огры. Не чувствовать ничего было приятнее. Внезапно мое тело потянуло вниз, а желудок подскочил вверх. Судно содрогалось, пласты металла норовили отлететь вместе с винтами, грохотали ступени, ведущие на навигационную палубу, а мои зубы стучали. Все еще было

слишком мрачно, чтобы разглядеть хоть что-то – даже тени токодара, вьющиеся вокруг моих запястий.

Рядом Акос на трех языках оглашал себе под нос длинный список ругательств. Я не могла ничего произнести. Мое тело сделалось слишком тяжелым.

Раздался металлический лязг, и двигатель завибрировал снова. Прежде чем зажглись лампы, я увидела огни планеты. Было мрачно – ни лучи солнца, ни сияние токотечения не могли пробиться сквозь плотную атмосферу Огры, – но она была испещрена прожилками света. Зажглась подсветка панели управления, и жуткое тяжелое ощущение падения исчезло, поскольку корабль двинулся вперед, а не вниз под прямым углом.

И возникло другое ощущение – жгучее, острое и неистовое. Боль.

10

АКОС

Кайра кричала.

Руки Акоса дрожали после посадки, но продолжали расстегивать ремни, которые удерживали его против воли.

Как только Акос высвободился, он тут же вскочил с места и упал на колени перед Кайрой. Тени вышли за пределы ее тела и сгустились в темное облако – точно так же, как когда Вас заставлял Кайру пытаться Акоса в тюрьме под амфитеатром и когда она чуть было не распрощалась с жизнью.

Продолжая цепляться пальцами за волосы, Кайра подняла взгляд на Акоса, и ее лицо исказила странная улыбка.

Акос дотронулся до Кайры, и похожие на дым тени втянулись обратно под ее кожу дюжинами нитей.

Непонятная улыбка Кайры исчезла. Она посмотрела на их сомкнутые ладони.

– Что произойдет, когда ты меня отпустишь? – тихо спросила Кайра.

– С тобой все будет в порядке. У тебя получится их контролировать. Ты же помнишь, что можешь это делать?

Кайра слегка усмехнулась.

– Я могу держать тебя, сколько ты захочешь.

Ее взгляд сделался суровым, и она произнесла сквозь зубы:

– Отпусти.

Акос не смог не припомнить того, что прочел на побыточном корабле в одной из книг, которые Кайра подкладывала в его каюту. Он прочел ее с помощью «переводчика», так как она была на шотетском, а ее название звучало как «Догматы шотетской веры и культура».

Там было сказано: «Наиболее яркой характеристикой шотетского народа, если переводить дословно, является «бронированность», но чужеземцы иногда называют ее «ретивостью». Речь идет не об отважных поступках в сложных ситуациях (хотя мужество шотетов, безусловно, заслуживает наивысшей оценки), а о врожденном качестве, которому невозможно обучиться либо симитировать. Оно течет в их крови, как и откровенный язык. Ретивость помогает, падая, подниматься снова и снова. Это настойчивость, готовность к риску и нежелание сдаваться».

Акос никогда не понимал смысл этого абзаца так хорошо, как сейчас.

Он подчинился. Сперва, когда тени снова выплыли наружу, они начали собираться в дымчатое облако вокруг Кайры, но она стиснула зубы.

– Нельзя предстать перед огрианцами со смертоносным облаком вокруг меня.

Кайра глубоко дышала и не сводила взгляд с глаз Акоса.

Тени начали струйками заползать под ее кожу, плывя по пальцам и закручиваясь спиралью на шее. В полудюжине изитов от Акоса Кайра снова испустила стон, но сквозь сжатые зубы. Затем она со свистом втянула воздух обратно и выпрямилась. С облаком было покончено.

– Они такие же, как были раньше, – сказал Акос, – когда я с тобой познакомился.

– Все из-за этой планеты. Здесь мой токодар сильнее.

– Ты что, бывала здесь раньше?

Кайра покачала головой.

– Нет. Но я это чувствую.

– Тебе нужно обезболивающее?

И снова отрицание.

– Пока нет. Мне нужно немного времени на перестройку.

На навигационной палубе Тека вела переговоры на отирианском:

– ID судна: транспортник заговорщиков. Капитан Сурукта запрашивает разрешение на посадку.

– Капитан Сурукта, даю разрешение на посадку: зона тридцать два. Поздравляем с благополучным прибытием, – ответил голос по интеркому.

Выключив коммуникатор, Тека усмехнулась.

– Держу пари, поздравлять с выживанием – у них стандартная практика.

– Я бывала здесь раньше, – кисло улыбнулась Сифа. – Это и в самом деле стандартная практика.

Тека свернула к посадочной площадке 32, расположенной где-то меж световых линий, что приветствовали их на выходе из атмосферного слоя.

Акос ощутил удар о землю. И вот они здесь – на новой планете. На Огре.

Огра являлась тайной для большей части галактики. О ней много судачили и распускали слухи. Глупые вроде «Огрианцы живут в норах». И страшные, как «Огрианцы экранируют атмосферу, чтобы никто не узнал о смертоносном оружии, которое они производят».

Поэтому, покидая корабль и ступая на землю Огры, Акос не знал, что его ожидает. Если ожидает. Он знал только, что Огра бедна.

Акос почти выпустил руку Кайры, потому как задержался на нижней ступени, чтобы оглядеться. Они приземлились в городе. Но Акос никогда не видел городов, похожих на этот. Повсюду торчали невысокие строения, подсвеченные зелеными и синими огнями всевозможных форм и размеров. Мрачные силуэты под темным небом. Возле зданий росли деревья без питающейся светом солнца листвы. Их ветви обвивались вокруг опор, заключая столбы целиком в свои объятия. Деревья были высокими – выше всего в округе. Этот контраст строгих архитектурных линий и живых закрученных спиралями растущих объектов был непривычен взгляду Акоса.

Хотя свечение казалось еще более необычным. Еле различимые «точки» насекомых мельтешили в воздухе. Световые панели тускло освещали внутренние дворы домов. По узким каналам, замещавшим некоторые из улиц, плыли цветные струйки, напоминавшие пролитую краску. Послышался всплеск, будто по воде пробиралось какое-то существо.

– Добро пожаловать на Огру! – с акцентом произнес голос где-то впереди.

Акос разглядел человека с зависшим у лица белым шаром. Когда он заговорил на более чем приемлемом шотетском, шар прикрепился к его груди – прямо под

подбородком, подсвечивая лицо снизу. Человек был среднего возраста, морщинистым, с белоснежными волосами, вившимися вокруг ушей.

– Если вы выстроитесь в короткую очередь, мы сможем зафиксировать ваше прибытие и сопроводить в шотетский сектор, – произнес мужчина. – До грозы остался всего час.

Грозы? Акос удивленно глянул на Кайру, на что она пожала плечами. Было похоже, что она знает не больше Акоса.

Тека стояла в очереди первой. Она отрывисто назвала фамилию. Это считалось деловым тоном.

– Су-рук-та, – повторил человек, вбивая фамилию в крохотный компьютер на ладони. – Я был знаком с вашей матерью. Меня опечалило известие о ее гибели.

Тека что-то пробормотала в ответ. На благодарность это похоже не было, но кто знает? Следующей была Кайра.

– Кайра. Ноавек.

Человек прекратил щелкать пальцами по клавиатуре. Из-за белой подсветки под лицом, которая оттеняла его глазницы и глубокие морщины, вид у него был устрашающий.

Кайра тоже глядела на человека, пока тот осматривал ее с головы до пят: дермоамальгаму, запястья в наручах и поношенные ботинки. Он так ничего и не сказал, лишь вбил ее имя в компьютер и махнул рукой, чтобы она проходила. Кайра держалась за Акоса вытянутой назад рукой до тех пор, пока ему тоже не позволили пройти. К ним вприпрыжку неслась Тека с широко распахнутыми сияющими глазами.

– Волшебнo, правда? – расплылась она в улыбке. – Всегда мечтала это увидеть.

– Ты никогда сюда не прилетала? – удивилась Кайра. – Даже чтобы повидаться с матерью?

– Нет. Мне нельзя было навещать ее. – Голос Теки слегка дрогнул. – Это было опасно. Колония диссидентов обосновалась здесь более двух поколений назад, после того как к власти пришли Ноавеки.

– И огрианцы просто... позволили вам здесь остаться? – поразился Акос.

– Они сказали, что любой, кто способен выжить на этой планете, имеет право на ней находиться.

– Она выглядит не такой страшной, как я думала, – сказала Кайра. – Все твердят о том, как сложно здесь выжить, но на вид она довольно дружелюбна.

– Не позволяй ей себя одурачить, – оборвала Тека. – Здесь все готово либо нападать, либо защищаться – и растения, и звери, даже сама планета в целом. Они не могут питаться солнечным светом, зато могут жрать друг друга. Или, к примеру, тебя.

– Растения плотоядны? – уточнил Акос.

– Насколько мне известно, – пожала плечами Тека. – Возможно, они питаются Током – что объясняет их существование. Чего-чего, а Тока на Огре предостаточно. – На лице Теки заиграла озорная улыбка. – Эх, если бы постоянная угроза оказаться слопанной была единственной... Проще говоря, упоминая грозу, тот парень имел в виду не легкий бодрящий душ.

– Ты такая загадочная... – проворчала Кайра.

– Точно! – оскалилась Тека. – Приятно иметь превосходство хоть в чем-то. Пойдемте!

Тека подвела Кайру с Акосом к одному из каналов. Спотыкаясь о корни деревьев и коряги, они спустились к кромке воды. Акос вытянул руку и провел ею по крепким корням. Их покрывали мелкие темные ворсинки. Вот такой была фауна Огры. Акоса не занимали растения на Пите. Потому что растительности на Пите не было. По крайней мере в поле зрения Акоса она не попадала. Но на Огре было полно деревьев. С волнительным трепетом Акос задумался, как бы можно было использовать их в производстве.

У берега ждала лодка – длинная и настолько узкая, что в одном ряду могли уместиться всего четверо. По характерному блеску Акос понял, что лодка металлическая. Было темно, и лишь под водой виднелась полоса розового свечения.

– Что это? – спросил Акос у Теки.

Но ответ дала не Тека, а женщина, сидевшая в носовой части лодки. Ее темные глаза были подведены белым. Сперва Акос предположил, что краска играла какую-то практическую роль, но, чем дольше смотрел на женщину, тем больше убеждался, что цель сугубо эстетическая. У него дома линию ресниц подводили черным, а здесь лучше выделялся белый.

– В водах Огры водится множество штаммов бактерий. Они светятся разнообразными цветами. Пускай они напоминают вам, что только черная вода пригодна для питья.

На Огре даже вода оборонялась.

Акос последовал за Текой по шаткой досочке, соединявшей лодку с берегом, и переступил через одну банку, чтобы подобраться к следующей. Кайра уселась рядом, и Акос положил ладонь на ее запястье – туда, где заканчивались наручи. Ухватившись покрепче, он перегнулся через край лодки и глянул на воду. Розовые потоки лениво ползли по течению.

Акос старался не думать о сидящих позади Сифе и Айдже. Глаза матери зоркие и в помощи не нуждаются. Но желудок Акоса сжался вместе с просевшей под тяжестью лодкой. Избегать Айджу на Огре, как на корабле, не выйдет. Им всем предстоит объединиться: тувенцам, шотетам, огрианцам.

Женщина, восседавшая во главе лодки, взялась за огромные весла, свисавшие по обе стороны судна. Стремительным рывком она оттолкнула суденышко от берега, но ни одним мускулом лица не выдала напряжения. Вот так сила!

– Полезный токодар, – отметила Кайра.

– Иногда он очень кстати. Но в основном меня просят открывать тугие крышки банок, – ответила женщина.

Она ритмично работала веслами. Лодка прорезала воду, как горячий нож масло.

– Да, кстати, не суйте руки в воду.

– Это почему? – удивилась Кайра.

Капитан лишь рассмеялась.

Акос не отрывал взгляд от проплывавших под водой переливающихся цветных полос. Розовые собирались у мелководий – возле берега канала. Где было глубже, сияли пятна голубого, «пучки» фиолетовых нитей и спирали глубокого красного цвета.

– Смотрите!

Акос повернул голову в сторону, в которую кивнула огрианка, и увидел посреди канала фигуру внушительных размеров. Первой его мыслью было, что это бактерии сбились у источника Тока. Но когда судно проплыло мимо, Акос понял, что это было некое существо, вдвое шире и вдвое длиннее лодки. Его голова (или Акосу лишь показалось, что это была голова) по форме напоминала луковицу, а более дюжины покрытых перьями конечностей оканчивались щупальцами.

Акосу удалось хорошо разглядеть очертания чудища только потому, что на него, словно слой краски, налипли бактерии. Существо развернулось. Его щупальца переплетались между собой, как канаты. Пасть, окруженная тонкими заостренными зубами, совпадала по размерам с туловищем Акоса. Он насторожился.

– Дно этих лодок изготовлено из экранирующего Ток материала. Мы называем его соджу, – успокоила огрианка. – Этот зверь – галанск – стремится к Току. Он им питается. Если опустить руку в воду, он заметит. Но в лодке он нас не почует.

И в подтверждение ее слов после следующего взмаха веслами галанск развернулся еще раз и глубоко нырнул, превращаясь в слабое подводное сияние. Через секунду он уже совсем пропал из виду.

– Вы добываете этот металл здесь? – поинтересовалась у женщины Тека.

– О нет. На этой планете нет ничего не обогащенного Током. Мы импортируем соджу с Эссандера.

– Зачем жить на планете, которая так решительно настроена тебя убить? – спросил Акос.

Огрианка ему улыбнулась.

– Могу задать тот же вопрос шотетам.

– Я не шотет.

– Правда?

Огрианка пожала плечами и продолжила грести.

К тому времени как они достигли места назначения, спина Акоса разболелась – от стрессовой посадки и последующего сидения на банке. Лодка причалила к берегу канала у каменных ступеней, заросших такими же бархатистыми деревьями, к каким прикасался Акос. Недалеко от ступеней располагался зев тоннеля.

– Нам необходимо спрятаться от грозы под землей, – сообщила огрианка. – Наведаетесь в шотетский сектор как-нибудь потом.

Гроза. Она произнесла это с благоговением, но не с нежностью – она боялась. Эта женщина, обладавшая силой дюжины, боялась. Это заставило переживать и Акоса.

На подкашивающихся ногах Акос выбрался из лодки и с облегчением вздохнул, ступив на твердую землю. Обернувшись с невеселым выражением на лице, он протянул руку Кайре.

– Я полагал, что шотеты суровы, но люди, живущие здесь, должны быть поистине лютыми.

– Вероятно, другой вид свирепости. Они не мешкают, но сражаются без изыщества. Такая своего рода... топорная храбрость. И в некотором смысле безумие. Жить в таком месте, как это.

Акос слушал и понимал, что Кайра провела уйму времени, изучая огрианцев, но не признавалась в этом. Она даже не понимала, в чем здесь было признаваться, так как считала, что другие были не менее любознательны. Скорее всего она внимательно изучала каждый кадр огрианских сражений, что оказывался в ее руках. И не только их. Все материалы хранились в каюте Кайры на побывочном корабле – ее маленькой колыбели знаний.

Огрианка, присвистывая, повела их в глубь тоннеля. Пройдя всего с десятков шагов, Акос заметил свечение. Некоторые булыжники в стенах тоннеля сияли. Небольшие, меньше кулака, они были хаотично вкраплены по бокам и над головой.

Женщина засвистела громче, и камни засветились ярче.

Акос поджал губы и попробовал тихонько присвистнуть. Булыжники поблизости вспыхнули белым огнем с теплыми нотками солнечного света. Было ли это чем-то вроде солнца, которого Огра никогда не видела?

Акос глянул на Кайру. Она содрогнулась. Тени на затылке оживились, но она не переставала улыбаться.

– В чем дело? – спросил Акос у Кайры.

– Ты восторжен. Эта планета, судя по всему, хочет нас прикончить, но она нравится тебе.

– Ну, – у Акоса возникло ощущение, будто он защищается, – она меня поражает. Только и всего.

– Понимаю. Просто не ожидала, что другим могут прийти по душе странные и опасные вещи, что нравятся мне.

Кайра обвила рукой талию Акоса. Ее прикосновение было столь легким, что Акос не чувствовал веса руки. Он наклонился к Кайре и положил руку на ее плечи. От прикосновения Акоса кожа Кайры побледнела.

А потом слышалось это – низкочастотный грохот. Будто ревела сама планета, и Акоса бы не удивило, если бы оно так и было.

– Идемте, обитатели льдов, – звонко пропела огрианка.

Она наклонилась и просунула мизинец сквозь металлическое кольцо на темном полу. Легким движением запястья огрианка оторвала от земли запылившуюся крышку люка.

Акос увидел узкую лесенку, ведущую в никуда. «Что ж, – решил Акос, – самое время воззвать к шотетской храбрости».

11

КАЙРА

Последний раз я выходила к толпе для того, чтобы симитировать убийство брата. И тогда она жаждала моей крови.

А незадолго до этого Ризек срезал с меня пласт кожи под бурные аплодисменты. Я дотронулась до дермоамальгамы, которая тянулась от основания шеи до самого черепа. Нет. У меня не было приятных воспоминаний, связанных с толпой. И я не рассчитывала заполучить их здесь, где огрианцы вместе с шотетскими диссидентами ожидали моего появления.

Мы спустились по лестнице, нащупывая во мраке ступени подошвами и пальцами рук, а затем резко завернули и оказались там. В тускло освещенном пространстве со скрипучим дощатым полом ютились фигуры в люминесцентной огрианской одежде. Большинство из них были шотетами. Я поняла это по языку, на котором они говорили.

Огрианская одежда, которую носили даже шотеты, не отличалась особым стилем. Были как обтягивающие модели, так и свободные, замысловатые и самые обычные, но все было объято этим свечением, что излучали ручные и ножные браслеты, ожерелья, шнурки, пояса и пуговицы.

У проходящего мимо мужчины даже на спине куртки виднелись полосы красноватого (пускай и слабого, но все же) свечения. Одежания подсвечивали людей снизу, придавая им жутковатый вид, ведь лица оказывались в тени. Те, у кого кожа была такой же светлой, как у Акоса, сами чуть ли не светились, что отнюдь не являлось преимуществом на этой «хищной» планете.

Люди сидели на скамьях или собирались вокруг высоких столиков. Некоторые держали бокалы с прозрачной субстанцией, в которой рассеивался свет. Я смотрела, как компания передавала бутылку из рук в руки, словно раскачивая ее на морских волнах. У моих ног, сидя в кругу, играли дети. Двое мальчишек, несколькими сезонами младше меня, затеяли игру-драку возле мощной деревянной опоры. Я чувствовала, что это – не то место, где люди жили, работали или трапезничали. Они собирались здесь, чтобы переждать грозу. Огрианская женщина так и не пояснила, что именно подразумевалось под «грозой». Это меня не удивляло. Похоже, огрианцы обожали говорить загадками и кидать многозначительные взгляды.

Тека тут же растворилась в толпе, обвив руками первого встреченного знакомого диссидента. Тут люди заметили наше появление. Тека с ее бледной кожей и белоснежными волосами в представлении не нуждалась. Акос был на голову выше большинства присутствовавших и, само собой, привлекал внимание.

Ну и я – тоже. Со сверкающей дермоамальгамой и паутиной теней, извивавшейся под кожей всего тела.

Я старалась не напрягаться, когда люди, завидев меня, затихали. Кто-то шептался и тыкал пальцем. И кто только обучал их манерам?

Я напоминала себе, что привыкла к подобной реакции. Я – Кайра Ноавек. Стражники родового поместья инстинктивно расступались, завидев меня, а матери прижимали младенцев к груди сильнее.

Когда Акос потянулся рукой, чтобы облегчить мои страдания, я выпрямилась, делаясь выше, и покачала головой. Нет, пускай лучше они видят, какая я есть. Лучше сразу расставить все точки над «і». Я старалась скрыть тяжелое дыхание.

– Эй!

Тека потянула меня за рукав рабочего комбинезона.

– Пойдем представимся руководству.

– Ты не знаешь, они уже добрались? – спросила я Акоса, заметив, что он оглядывается, ища глазами мать и брата.

До сих пор с самого приземления он их избегал. Я постаралась представить себя на его месте. Как бы вела себя я, если бы мать вернулась в мою жизнь после того, как я свылась с мыслью, что никогда ее больше не увижу. В моем воображении это было счастливым воссоединением, когда мы проявляем друг к другу былую заботу и взаимопонимание. Определенно для Акоса это было не так легко из-за истории с предательством и интригами. Но возможно, и без всего этого было бы непросто. Может, я бы так же избегала Илиру, как Акос – Сифу. А может, он просто устал от того, что она говорила загадками.

Когда вся семья Акоса была в сборе, Тека повела нас в глубь помещения. Я старалась не маршировать, как солдат, хотя это было моей привычкой – пугать людей намеренно, чтобы избавить себя от необходимости наблюдать ужас на их лице, когда это произойдет случайно.

– Мы совсем рядом с поселением Гало, – объявила Тека. – Здесь живут шотетские диссиденты, но есть и немного огрианцев. В основном – торговцы. Мама говорила, что мы неплохо ассимилировались... Ох!

Тека заключила в объятия светловолосого мужчину с кружкой в руке, а затем пожала руку бритоголовой женщине, которая с доброжелательной ухмылкой дотронулась до ее повязки на глазу.

– У меня есть нарядная, для особых случаев, – усмехнулась Тека. – Ты не знаешь, где Эттрек? Я хочу представить его... ах!

Вперед вышел рослый мужчина, чуть ниже Акоса, с длинными темными волосами, завязанными в «петельку». При таком свете мне сложно было понять, моего ли он был возраста или старше сезонов на десять. По его громкому голосу тоже разобраться было сложно.

– Ах, вот и она! «Плеть Ризека» оказалась «Палачом Ризека».

Он повернул меня к себе, словно намереваясь вовлечь в компанию, где каждый держал по бокалу. Я отстранилась очень быстро, чтобы он не успел ощутить мой токодар в действии.

Боль пронзила мою щеку и спустилась вместе с глотком по горлу.

– Только попробуй еще раз меня так назвать, и я...

– Что? Сделаешь мне больно? – Мужчина ухмыльнулся. – Будет забавно глянуть на твои попытки. А потом посмотрим, настолько ли ты хороша в борьбе, как говорят.

– Вне зависимости от того, хороший я борец или нет, я – не «Палач Ризека».

– Какая скромность! – произнесла пожилая женщина напротив меня и глотнула напиток. – Мы все видели, что вы сделали, мисс Ноавек. По новостному каналу. Не стоит быть такой застенчивой.

– Я не застенчивая и не скромная.

Я почувствовала, что мои губы складываются в самую злобную улыбку, на которую была способна. В висках пульсировали вены.

– Просто я не верю всему, что вижу. Вы должны были достаточно хорошо усвоить этот урок, диссидент.

Я еле сдержала смех, когда их брови, как по команде, изогнулись.

Акос дотронулся до моего покрытого одеждой плеча и склонился к уху:

– Не торопись наживать врагов. Для этого еще будет полно времени.

Я подавила смешок. Он, конечно, говорил дело.

Следом я увидела улыбку в темноте, а затем и самого Йорека, который налетел на Акоса. Акос слишком растерялся, чтобы ответить на объятия. Судя по моим наблюдениям, он вообще не был особо любезным, но все же поприветствовал Йорека дружеским хлопком по плечу, когда тот отстранился.

– Вы так долго добирались, – затараторил Йорек. – Я было подумал, что канцлер взяла вас в заложники.

– Нет, – ответил Акос. – На самом деле мы избавились от нее при помощи спасательной капсулы.

– Ничего себе! – На лице Йорека застыло изумление. – Даже жаль немного. Мне она нравилась.

– Она тебе нравилась? – изумился Акос.

– Мисс Ноавек. – Йорек приветственно кивнул мне и снова развернулся к Акосу. – Да, она была жутковатой, а я, вероятно, питаю слабость к подобным качествам у друзей.

Кровь прилила к моим щекам, когда Йорек снова посмотрел на меня многозначительно. Йорек и впрямь считал меня другом?

– Как дела у твоей мамы? – спросил Акос. – Она здесь?

Йорек немного отстал от нашей скромной делегации, чтобы убедиться, что мать не пострадала от беспорядков в Воа.

– Она в целости и сохранности. Но не здесь. Заявила, что если когда-то приземлится на Огре, то уже не улетит обратно. Так что она – наши «глаза и уши» в Воа. Переехала к брату и его детям.

– Прекрасно, – заключил Акос.

Он почесал затылок и зацепил пальцами цепочку с нанизанным на нее кольцом – подарок Ары Кузар. Акос носил ее не как символ победы, на что, несомненно, рассчитывали Йорек и Ара, а как бремя. Напоминание.

Тека пропала на время, но вскоре воротилась вместе с крепкой женщиной. Ее нельзя было назвать ни низкой, ни высокой, а ее волосы были собраны в косу. Она поприветствовала меня достаточно теплой улыбкой, но на Акоса, как и на остальных, даже не взглянула. Ее вниманием всецело завладела я.

– Мисс Ноавек. – Женщина протянула мне руку. – Меня зовут Аза. Я из здешнего совета.

Я вопросительно глянула на Акоса. Его рука легла на оголенный участок моего тела у основания шеи, и тени токодара начали рассеиваться. Я прекрасно знала, что не могу контролировать токодара сейчас, чему я научилась в убежище заговорщиков в Воа. Не на насыщенной Током Огре. Меня ожидали ночи беспокойного сна. Всеми силами я удерживала токодара внутри, чтобы он не вырвался из-под кожи, как это произошло после посадки.

Я ответила женщине рукопожатием. Если до этого Акос не привлекал ее внимания, то его способность глушить мой дар исправила положение. По правде говоря, теперь на Акоса глазели все, точнее, на его руку, что лежала на моей коже.

– Можете звать меня Кайрой, – ответила я Азе.

Взгляд Азы был пронзительным и любопытным. Когда я отпустила ее руку, Акос убрал и свою, и тени вернулись. Щеки Акоса зарделись, и даже шея покрылась

розовыми пятнами.

– А кто вы? – обратилась Аза к Акосу.

– Акос Керезет, – произнес он еле слышно.

Я не привыкла видеть Акоса застенчивым. Но сейчас, когда нас не окружали люди, которые его похитили, убили его отца и всячески над ним издевались... Возможно, таким он и был в естественной среде.

– Керезет... – повторила Аза. – Это забавно. За все время существования колонии мы ни разу не принимали судьбоносных гостей. А тут сразу двое!

– На самом деле четверо, – поправила я. – Старший брат Акоса, Айджа, тоже где-то... здесь. И его мать, Сифа. Они оба – оракулы.

Я огляделась в надежде отыскать их. Вдруг Сифа объявилась из сумрака прямо за моей спиной, будто услышала, что ее звали. Айджа отставал от матери на несколько шагов.

– Оракулы! Двое оракулов! – воскликнула Аза. Казалось, ее изумление достигло своего пика.

– Здравствуйте, Аза, – кивнула Сифа.

Предсказательница улыбнулась. Я не сомневалась, что она сделала это, дабы окутать себя флером загадочности. Я практически закатила глаза.

– Спасибо за предоставленное укрытие, – любезно поблагодарила Сифа, – всем вам. Мы преодолели нелегкий путь.

– Еще бы, – сухо бросила Аза. – Скоро гроза закончится, и мы подыщем вам местечко для отдыха. – Аза подошла ближе к Сифе. – Но я должна уточнить, оракул... стоит ли нам опасаться?

Сифа расплылась в улыбке.

– Что вы имеете в виду?

– Принимать одновременно двоих оракулов не... – Аза нахмурилась. – Не очень хороший знак.

– Ответ на ваш вопрос – «да». Сейчас и впрямь стоит беспокоиться, – мягко ответила Сифа. – Но на это не влияет мое присутствие.

Аза кивнула, и еще одна огрианка вышла вперед. Ее белая кожа была усеяна веснушками. Глянув на меня, женщина что-то шепнула Эттреку. Мне удалось разглядеть лицо огрианки благодаря мягкому белому свечению браслетов.

– Мисс Ноавек, – произнесла женщина, когда бросила шептаться.

Ее глаза, такие же темные, как и мои, следили за тенями, что сейчас обвивали мою шею, словно удушающая рука. Ощущения, кстати, были похожими.

– Меня зовут Исса. Я только что узнала от кое-кого из переговорной вышки, что нам пришло послание из штаб-квартиры Ассамблеи. Обращаются к вам.

– Ко мне? – Мои брови подскочили. – Вы, верно, ошиблись.

– Запись транслировали по новостному каналу пару часов назад. Чтобы мы с Огры ответили как можно скорее. К сожалению, есть ограничения по времени. Послание от Исэй Бенезит. Если вы хотите ответить, нужно быть готовой действовать без промедлений.

– Что? – ошарашенно спросила я.

Я чувствовала вибрацию в груди; она походила на гул Тока, только была более интенсивной и воображаемой.

– Я должна дать ответ прямо сейчас?

– Да, – ответила Исса. – Или ответ не дойдет до нее вовремя. К сожалению, здесь связь осуществляется с задержкой, и нет способов это обойти. Мы можем сделать запись прямо здесь и отправить ее на спутник, который покидает нашу

атмосферу через считанные минуты. В противном случае придется дожидаться следующего часа. Пойдемте со мной, прошу вас.

Я потянулась за рукой Акоса. Он взял мою руку и крепко ее сжал, после чего мы последовали сквозь толпу за Иссой.

Исса транслировала послание на настенный экран. Он был внушительных размеров – длиной с мои вытянутые в стороны руки.

Исса попросила меня встать на отметку на полу, разогнала всех, кто столпился вокруг, включая Акоса, и направила на меня свет, придавший лицу желтоватый оттенок. Это делалось ради записи моего ответа.

Мама рассказывала мне о принципах дипломатии, но это было в детстве. После ее смерти ни отец, ни брат не беспокоились о моем дальнейшем образовании в этой сфере. Они разумно предполагали, что мне никогда не пригодятся такие навыки. Я была девочкой-оружием. Я старалась вспомнить, о чем мне рассказывала мама. «Стой прямо. Говори четко. Не стесняйся обдумать ответ – для тебя пауза тянется дольше, чем для слушателей». Вот и все, что вспомнилось. Этого должно быть достаточно.

Исэй Бенезит возникла передо мной на экране. Она была крупнее, чем в жизни. Ее лицо не прикрывала вуаль. Я подумала, что теперь, когда сестра Исэй мертва, маскировка ей больше ни к чему. Их больше нельзя было спутать. На коже Исэй виднелись шрамы – заметные, но не бросающиеся в глаза. Несмотря на то что на Исэй был макияж, шрамы остались незакрашенными. Я была уверена, так решила она сама.

Блестящие черные волосы Исэй были убраны, а надето на ней было платье с высоким воротом, изготовленное из плотной черной ткани. Я лишь предположила, что это было платье, так как видела только верхнюю часть туловища Исэй. На ее шее блестела золотая, чуть смещенная вбок пуговица, а на лбу красовалась золотая полоса – аналог короны, только наименее вычурный из тех, что я когда-либо видела. Это был не тот канцлер, что желал показаться столь же богатым, как Отир.

Канцлер представлял Осок, Шиссу и, что самое важное, – Гессу – сердце Туве.

Казалось, она приложила много усилий, чтобы выглядеть ухоженно и привлекательно. Исэй была поразительна. Она выделила глаза черным, но оставила натуральный оливковый оттенок кожи. Лишь слегка припудрила ее, чтобы убрать блеск.

А я, в свою очередь, даже душа нормального неделю не принимала и была одета в огромный комбинезон. Восхитительно!

– Я, Исэй Бенезит, назначенный судьбою канцлер Туве, говорю от лица народа Туве, – начала она.

В помещении повисла тишина. Мои опущенные по бокам руки сжались в кулаки. Тело пронзила боль. Она вспыхнула в ступнях, поднялась по ногам и скрутила живот. Я сдерживала слезы, заставляла себя сосредоточиться и стоять настолько ровно, насколько это было возможно.

– Это послание адресовано наследнице так называемого шотетского трона, – продолжила Исэй. – Поскольку смерть Ризека была подтверждена, согласно закону о кровном наследии, которому шотеты сами себя подчинили, послание должно быть передано Кайре Ноавек до общего восхода солнца, которое сегодня произойдет в 06:13. За последние сезоны было зафиксировано несколько актов агрессии со стороны шотетов. Во время одного из нападений на Туве был убит «нисходящий» оракул и похищен «восходящий». А всего несколько дней назад моя сестра, Ориева Бенезит, была похищена и убита на глазах толпы.

Исэй репетировала. По-другому быть не могло, ведь она практически не запинаясь. Глаза Исэй горели ненавистью. А может, мне это лишь казалось.

– Эскалацию этого агрессивного поведения больше игнорировать нельзя. Просто необходимо применить силу. – Исэй тихонько прочистила горло, чтобы лишь на тик изобразить, что она живой человек. – А сейчас я зачитаю условия капитуляции шотетов. Пункт номер один: шотеты обязаны распустить армию и сдать все оружие Туве. Пункт два: шотеты обязаны передать побывочный корабль Ассамблее Девяти Планет и воздержаться от Побывок с целью улаживания ситуации в Воа, располагающемся на северном побережье южного моря, и его окрестностях. Пункт три: шотеты обязаны не препятствовать оккупации их земель войсками Ассамблеи до тех пор, пока шотетский народ не

объявит готовность восстановить мирное сотрудничество с Ассамблеей и тувенскими властями. Пункт четыре: шотеты обязаны отречься от статуса суверенного народа и признать себя частью народа тувенского. Пункт пять: шотеты обязаны выплатить репарации всем государственным учреждениям и семьям, которые пострадали от их агрессивных действий в течение последних ста сезонов. Это касается и Туве, и остальных планет. Размер репараций будет определен позднее комитетом Ассамблеи и властями Туве. Пункт шесть: все шотеты, именуемые заговорщиками, выступающие против режима Ноавек, обязаны вернуться на Туве и обосноваться за пределами Воа. Они будут помилованы и получат полноценное тувенское гражданство.

Все мое тело будто сжималось в кулак (причем каждый палец по очереди), выдавливая кровь из каждого сустава.

Боли от токодара я практически не ощущала, хотя тени буквально неслись под кожей и окрасились в самый глубокий и насыщенный черный.

– Вы соглашаетесь с условиями либо я объявляю войну. В этом случае кровь вашего народа окажется на ваших же руках, – продолжала Исэй. – Я буду ждать ответа до общего рассвета, который случится сегодня в 06:13 утра. В противном случае ваша жизнь будет считаться прерванной, и мы обратимся к следующему наследнику. Конец связи.

Лицо Исэй исчезло с экрана. Вокруг все замерли. Я закрыла глаза и напряглась, пытаюсь контролировать свое тело.

Время сейчас было неподходящим, поскольку меня разрывало от боли. Абсолютно не то время, чтобы загружать мою голову.

Я снова постаралась вспомнить уроки матери, но получалось думать только о ней самой. Вспомнился наклон головы, холодная улыбка, которую она использовала, когда хотела уничтожить человека, то, как она играла громкостью и интонацией голоса, чтобы достичь цели. Я могу попробовать подражать ей, но у меня не выйдет. Я уже практически поверила, что я – Илира Ноавек.

Единственный образ, в который я умела вживаться мастерски, был «Плеть Ризека». И мне отчаянно не хотелось ею быть. Нет, никогда более.

– Вы готовы дать ответ, мисс Ноавек? У вас есть всего несколько минут, – поторопила Исса.

Нет, я не была готова давать ответ, не была готова действовать от лица владыки суверенного государства, чей народ никогда не выказывал мне ничего, кроме презрения.

Со всех сторон на меня глядели осуждающие глаза людей, которых сподвигла стать диссидентами жестокость моего отца и брата. Я понимала, каким оскорблением было для них признавать меня своим владыкой, ведь я была членом той самой семьи, которая мучила и угнетала их.

Но кому-то нужно было это сделать. И сейчас ответственность пала на меня.

Я должна сделать все возможное.

Расправив плечи и прочистив горло, я кивнула.

Исса кивнула в ответ. Я сосредоточилась на объективе, записывающем изображение и звук, чтобы отправить ответ Исэй.

– Говорит Кайра Ноавек, действующая владыка полноправного самостоятельного шотетского народа, – несмотря на то что мой голос дрожал, слова я произносила правильные.

Я глядела вперед – прямо на желтый свет. Тени токодара не заставят меня дрогнуть. Я не дрогну... Я дрогнула. «Ничего страшного», – успокоила я себя. У меня болело все тело. Вздрагивать для меня было вполне естественно.

– Шотеты отказываются принимать условия капитуляции, поскольку жить, следуя им, страшнее кровопролития, о котором вы упомянули. Ризек Ноавек мертв, и шотетский народ не несет ответственности за преступления, которые он совершал против Туве прямо или косвенно.

На этом моя формальная речь завершилась.

– Я думаю, вы осознаете это. – Я сменила тон. – Вы находились среди нас и лично наблюдали нашу способность к сопротивлению.

Я остановилась и обдумала, что говорить дальше.

– Шотетский народ со всем уважением просит повременить с военными действиями до того момента, когда мы сможем встретиться для обсуждения условий мирного договора между нашими народами. Мы не хотим войны. Но не заблуждайтесь. Мы – народ. Хоть и разрывающийся между Огрой и Уреком. И мы требуем соответствующего отношения. Конец связи.

Только когда закончила, я осознала, что только что разоблачила местонахождение колонии диссидентов – до сих пор тайное для всех, кроме огрианцев. В том числе и для Исэй Бенезит.

Однако было уже слишком поздно что-либо менять. Прежде чем кто-то успел раскрыть рот, я подняла руку, чтобы привлечь внимание Иссы.

– Могу я записать еще одно послание? Его необходимо незамедлительно передать на спутники Воа.

Исса замялась.

– Пожалуйста, – добавила я. Повредить это точно не могло.

– Ладно. Только быстро.

– Быстрее не бывает, – успокоила я.

Я ждала команды начинать. Это послание мне не нужно было обдумывать и репетировать. После кивка Иссы я набрала в легкие воздуха и произнесла:

– Народ Воа, к вам обращается Кайра Ноавек. Туве объявила войну шотетам. Противник наступает. Всем эвакуироваться на побывочный корабль. Повторяю: всем эвакуироваться на побывочный корабль. Конец связи.

Закончив, я согнулась и, прижавшись к коленям, старалась отдышаться. Боль была невыносимой. Казалось, ноги вот-вот перестанут меня держать. Подбежал Акос и стиснул мое плечо, а затем взял меня за руки.

Я обхватила его. Моя голова находилась возле его, а лоб упирался в плечо.

– Ты молодец! – тихо произнес Акос. – Ты отлично справилась. Я рядом. Я держу тебя.

Когда я глянула через его плечо, то увидела неуверенные улыбки, а ропот звучал практически как... одобрение.

Неужели Акос сказал правду? Я отлично справилась? Мне сложно было в это поверить.

Близилась война. И не важно, что говорил Акос или кто-либо еще. Именно я приняла вызов.

12

СИЗИ

– А эта Кайра Ноавек... – говорит Аст, вращая гладкий камешек в пальцах левой руки. Я обратила внимание, что Аст никогда не сидит без движения. Он либо дрыгает коленками, либо жует край расчески, либо тербит что-то пальцами. – Есть ли какая-то вероятность, что она согласится на наши условия?

Я смеюсь. Мысль о том, что Кайра Ноавек, сражавшаяся на арене с родным братом, который срезал кусок кожи с ее головы, выдаст свою страну тувенцам без попытки отстоять свои интересы, выглядит откровенно смешной.

– Ладно, я не встречался с ней, – защищается Аст.

– Прости, я не хотела смеяться над тобой. Просто она будет сражаться даже со стеной, если та встанет у нее на пути.

– Я не рассчитываю на ее повиновение. Никак нет.

Исэй произносит это так, будто мысленно находится где-то далеко, не в этой комнате. Она сидит за небольшим столиком у стеклянной оболочки. Мы находимся в той части корабля Ассамблеи, что сейчас отвернута от солнца, поэтому сквозь стекло вместо изображений Туве мы видим звезды, космос и токотечение. На таком фоне Исэй выглядит меньше и младше, чем обычно.

– Они не сдаются, эти шотеты. Руководитель Ассамблеи был прав – они как паразиты. Тебе кажется, что они маленькие, поэтому с ними легко будет справиться, но они возвращаются снова и снова...

По моему телу от слова «паразиты» пробегает холодок. Не должно так говорить о людях, даже если они сражаются не на твоей стороне. И Исэй не говорит такого о людях, даже когда она в гневе.

Она выравнивает спину, сжимая ладони на коленях.

– Мне нужно продумать следующий шаг, – заявляет канцлер. – Следуя из того, что войну все же придется объявить.

Аст гладит камешек подушечкой большого пальца. Это частичка его родной планеты, точнее, каменного осколка, у которого даже названия нет – только номер, где и дышать-то можно лишь через «папиросину» (так в народе зовут устройство, у которого есть и настоящее название). Большую часть сезонов своей жизни Аст провел с громоздкой штуковиной на лице, которая крепилась ремешками. Без нее он бы задохнулся. Об этом он сам мне рассказал. «Не важно, сколько времени тебе отведено, нужно проживать его не зря». Аст сказал мне это так, будто говорил это прежде дюжины раз. Это больше напоминало девиз, чем случайное высказывание.

– Я думаю, нужно нанести мощный удар, – высказался Аст после того, как описал несколько кругов большим пальцем. – Только так можно добиться их уважения. Либо ты действуешь жестоко, либо никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/veronika-rot/sud-ba>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)